

91(47)

БЮОБА, Букшпан.

Азербайджанские курды

Handwritten notes in Cyrillic script, including the word "Лачин" and other illegible characters.

Лачин,

Кельбаджары, Нахкрай

Handwritten numbers and text, possibly "21989" and "1932".

ЗАМЕТКИ

Handwritten notes in Cyrillic script at the bottom left corner.

„С помощью пролетариата на более передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития“.

В. И. Ленин. Т. XXV, стр. 354.

„Октябрьская революция, порвала старые цепи и, выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие“.

И. Сталин. О политических задачах Университета Народов Востока

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя брошюра является результатом работ экспедиции в районы бывшего Курдистанского уезда Азербайджана (Лачинский и Кельбаджарский) и Нахкря, входящего на правах автономной республики в состав АССР. Экспедиция была организована летом 1931 г. Народным Комиссариатом по Просвещению АССР (Сектор Науки) и Азербайджанским Государственным Научно-Исследовательским Институтом (Отделение Востока) в целях изучения вопросов, связанных с развертыванием культурного строительства среди курдов, населяющих АССР.

Среди этих вопросов экспедиция преследовала, в первую очередь, выяснение особенностей курдского языка у курдов Азербайджана и НССР, степень общности и различия языка курдов Азербайджана и курдов, населяющих Армению (в большинстве своем состоящих из так называемых иезидов,—термин, обозначающий религиозный признак курдов, но почему-то до наших дней фигурирующий в официальных документах, статистических данных и т. д., и т. д.), имея в виду положить собранный материал в основу научного изучения курдского языка и практического его применения в издающихся нами на курдском языке букварях брошюрах, учебных пособиях и пр.

Одновременно с этим экспедиция поставила перед собой задачу помочь местным организациям народного образования в деле разворачивания школ, курсов, проведения всеобуча, ликбеза на курдском языке и разработки вместе с ними практических мероприятий по реализации решений Азербайджанского Республиканского Совещания Нацмен, происходившего в Баку в июне 1931 года.

Азербайджанские курды

(Лачин, Кельбаджары, Нахкрай).

Предварительные замечания.

Е. В. Соон, один из активных агентов английского империализма, рассказывая о своей первой встрече с курдами турецкого Курдистана, писал: „Это был аванпост великой расы, которая занимает горную полосу Турции и Персии в 125 т. кв. миль. Однако, несмотря на то, что самые отдаленные племена курдов находятся на расстоянии не более четырнадцати дней от Лондона, курды являются расой менее всего изученной на Среднем Востоке“.

Это не совсем точно. Имеется ряд буржуазных работ, посвященных турецким и персидским курдам. А среди них работы на английском языке занимают первое место. Достаточно указать, что самим Сооном, как это явствует из библиографии, приложенной к последнему его труду, написано не менее 10 работ о курдах. Фундаментальные работы Рича („Narrative of a Residence in Koordistan“ 1736 г.), Фрезера (Travels in Koordistan, 1840 г.) и др. не потеряли своего интереса и до сегодняшнего дня.

А книга упомянутого Соона „To Mesopotamia and Kurdistan in disguise“ дважды переиздана, и в предисловии к последнему изданию 1926 года особо подчеркивается, что мысли, высказанные Сооном в 1908—1909 годах, так же как и проделанная им работа, оправдались всем дальнейшим ходом истории. К этому предисловию мы еще вернемся. Ограничимся констатацией того, что сказанное Сооном о малой изученности курдов относится, прежде всего, к нам, при чем в этом отношении мы располагаем ничтожными материалами не только о зарубежных курдах, но и курдах, населяющих наше Закавказье, и прежде всего тот район Азербайджана, который до 1929 года официально именовался Курдистаном.

Нельзя сказать, что и дореволюционная русская, в основном военная, литература была богата трудами о зарубежных и, особенно, Закавказских курдах. Работы Аверьянова, Карцева, Минорского; статья Н. Я. Марра, Тротера; книга Егиазарова об эриванских курдах; отдельные разрозненные материалы и заметки в актах Кавк. археографич. комиссии и в публикациях царских чиновников относительно завоевания Кавказа — вот почти все, что имеется о курдах на русском языке¹.

При чем в этих работах, о чем речь будет несколько ниже, почти ничего нет о курдах Азербайджана.

Еще меньше мы можем похвастать после-октябрьской литературой об азербайджанских курдах. Ничего, кроме двух брошюр Сысоева и Чурсина по этнографии азербайджанских курдов, зачастую повторяющих зады дореволюционных авторов и основанных на беседах с постоянно упоминаемым тов. Самедом Шахсуваровым (учитель сел. Минкенд, Лачинского района).

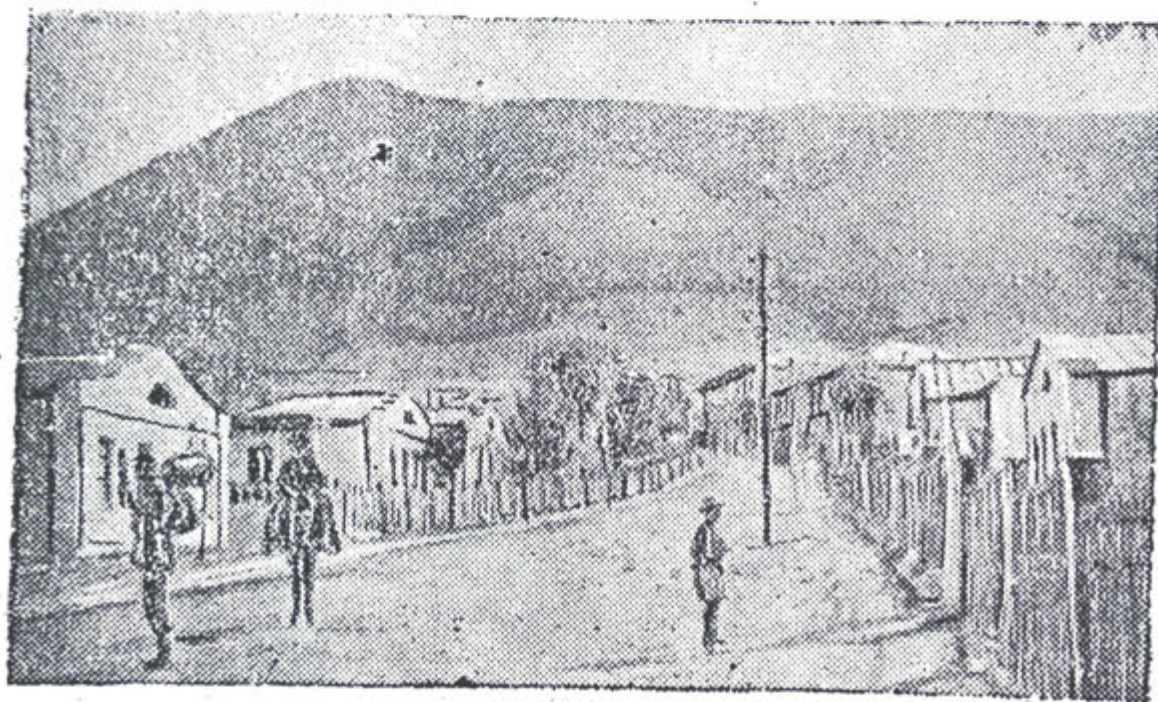
Впрочем, имеется отчет проф. В. А. Гурко-Кряжина об экспедиции в Курдистан, проведенной им летом в 1929 году. Он не напечатан; к сожалению, мы им не располагаем и в рукописи. Однако, имеющийся отзыв об этом отчете у т. Мамета („Историк-марксист“, том XVII, 1930 г., стр. 81—83), а также опубликованные В. А. Гурко-Кряжиным в порядке предварительной информации об этой экспедиции две статьи в газ. „Заря Востока“ (16 авг. 1929 г. № 186/2154 и 18 августа № 188/2156) свидетельствуют, что выводы В. Гурко-Кряжина полны крупных политических ошибок, вытекающих из антимарксистских и антиленинских установок автора, к тому же опирающихся на необоснованные и непроверенные материалы, собранные автором во время экспедиции.

Вот тот „материал“, которым располагала экспедиция Азербайджанского Наркомпроса и Азерб. Госуд. Научно-Исследовательского Института (АзГНИИ), направленная 2 августа 1931 года этими организациями для изучения вопросов, связанных с курдской культурой.

¹ Подробная библиография о курдах дана в статье В. Минорского, опубликованной в „Encyclopaedie des Islam. Lieferung 36, 1928 г., стр. 1217—1240.

Так называемый азербайджанский Курдистан находится значительно ближе от столицы Азербайджанской ССР — Баку, чем Лондон от самых отдаленных курдских племен. От Баку до Лачина, центра б. Курдистана — менее одних суток.

Выехав 2 августа ночью из Баку, экспедиция уже на следующий день, 3-го августа 1931 года, к вечеру, была в Лачине.

ЛАЧИН — центр бывшего Курдистанского уезда

Территория и границы Азербайджанского Курдистана

Что же представляет собой тот район, который постановлением АзЦИК'а в 1923 году был назван Курдистаном и выделен в самостоятельную административную единицу? Какова его географическая карта? Под Курдистаном, или Курдистанским уездом, разумеется территория, охватывающая, согласно районирования Азербайджана в 1929 году, когда Курдистан был ликвидирован, как особый округ, — четыре района, с севера на юг: Кельбаджарский, Лачинский, Кубатлинский и часть нынешнего Джебраильского района.

Северные границы бывшего Курдистанского уезда отделяли последний по водоразделу Муровдагского хребта от

Ганджинского уезда. По водоразделу Кангуро-Алангезского хребта Курдистан граничил с Нор-Баязетским уездом ССР Армении. С юга-запада он примыкал к Шаруро-Дерелегезскому и Зангезурскому районам ССР Армении.

Его границы с юго-востока по реке Акера проходили по меже с бывшим Джебраильским уездом, начиная с селения Эфендилар до впадения в эту реку ее левого притока—Милхелев. Наконец, Курдистан граничил с Нагорным Карабахом с юго-востока от впадения реки Милхелев в Акеру, вплоть до Муровдагского хребта. Северная часть Курдистана гористая. Передвижение в отдельных участках севера, особенно по Кельбаджарскому району с его бездорожьем, сопряжено с большими трудностями и даже не всегда безопасно для жизни. Юг, охватывавший Кубатлинский район, примыкает к низменной области по реке Аракс.

Естественно-географические условия Курдистана в известной степени и до сих пор определяют особенности б. Курдистанского округа, занятия его жителей и лицо района в целом.

Экспедиция охватила своим обследованием два района б. Курдистанского округа—Лачинский и Кельбаджарский, посвятив остальное время Нахкраю, в приграничной полосе которого, по линии реки Аракс, расселены курды. Мы коснемся в своем изложении, в первую очередь, курдов Лачинского и Кельбаджарского районов, выделив курдов НахССР, занимающих особое место среди остального курдского населения Азербайджана.

Хозяйственная структура Курдистана

Первый вопрос, неизбежно вытекавший из предварительного ознакомления с имеющимся в руках экспедиции материалом, в частности, с работой Чурсина и, главным образом, В. Гурко-Кряжина, упирался в разрешение проблемы о хозяйственной структуре Курдистана, положительно решенной В. Гурко-Кряжиным в том смысле, что скотоводство при кочевом и полукочевом быте является главным занятием курдов б. Курдистана.

Эта характерная черта хозяйства, будто бы всецело присущая азербайджанским курдам, увлекла В. Гурко-Кря-

жина настолько далеко, что он в 1929 году сравнивает последних с номадами Афганистана.

Сопоставляя тех и других, ссылаясь на работу академика Вавилова о земледельческом Афганистане, В. А. Гурко-Кряжин писал в упомянутой нами первой статье: „Академик Вавилов в своей классической работе о земледельческом Афганистане отмечает, как величайший примитив социальных отношений, ежегодные перекочевки номадов-скотоводов, захватывающие свыше 2-х миллионов человек“. И далее, основываясь на работе Чурсина и сообщениях двух работников курдов, Гурко-Кряжин бесцеремонно заявляет: „Как мы видим, Курдистан не в меньшей степени, чем Афганистан, сохранил крайний примитив экономико-социальных отношений“.

Не говоря уже о том, что эти строки, написанные во второй половине 1929 года, в условиях развернутого социалистического строительства в Азербайджане, спустя 9 лет существования власти Советов в АССР, представляют по существу клевету на те экономико-социальные отношения, которые сложились к 1929 году в азербайджанском советском Курдистане, мы увидим, что и характер хозяйства азербайджанских курдов „несколько“ отличается от кочевого хозяйства номадов Афганистана.

Вот что пишет о последних Н. И. Вавилов¹. „В течение всего лета по большим дорогам и тропам восточного, центрального и южного Афганистана можно наблюдать любопытные картины переселения народов (курсив авторов).

Сотни людей со всем скарбом, с верблюдами, волами, лошадьми, на ослах, пешком тянутся по направлению с юга на север. словно после грандиозного бедствия снимаются целые волости, целые районы, напоминая библейские картины великих переселений народов в землю обетованную, с пастырем впереди, шествующим с посохом в руках. Летний зной выжигает остатки травянистой растительности в

¹ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич „Земледельческий Афганистан“, Изд. Всесоюзного Института прикладной ботаники и новых культур при СНК СССР и Гос. Инст. Опытной агрономии НКП РСФСР, 1929 г., стр. 85 и 86.

пустынных районах Афганистана, заставляя население передвигаться к северу и в горы в поисках кормов и продовольствия...

Мы не знаем, пишет он несколькими строками ниже, другой страны, в которой периодические переселения кочевников захватывали бы столь огромную часть населения и ее территории. Это поистине крайний примитив кочевого хозяйства, затрагивающий не только стада, но и все бытие земледельческого населения страны“.

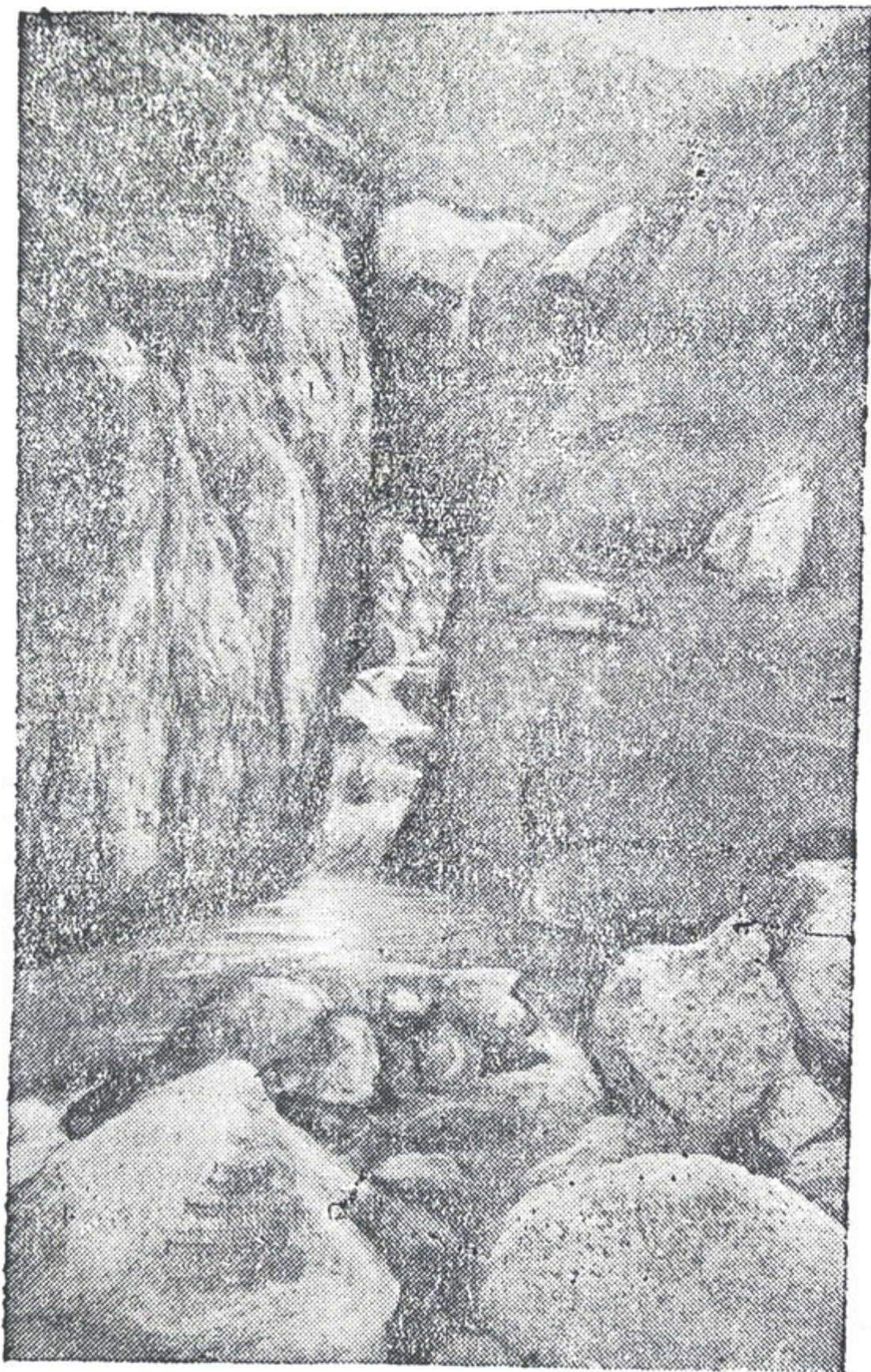
В. Гурко-Кряжин нашел вторую такую страну. Больше того, эта страна, по его мнению, отличается еще и тем, что крайний примитив кочевого хозяйства совпадает с крайним примитивом экономико-социальных отношений. Вкратце коснемся первого „открытия“ Гурко-Кряжина с тем, чтобы детально остановиться на тех социальных отношениях, которые сложились у курдов исследованных нами районов.

Имеются ли на территории б. Курдистана кочевники? Массовое движение населения со своим скарбом, начинающееся с Шуши и продолжающееся по Шушинско-Лачинскому шоссе, предверью Курдистана, и с перерывами происходящее в течение всего лета, создает впечатление у поверхностного наблюдателя, что кочевничество является основным типом хозяйства населения этих районов. В действительности, нельзя упускать из виду, что Лачинские (Люль пер) и Кельбаджарские пастбища служат местом для летних кочевков не только окрестного населения. Сюда, как на лучшие в Азербайджане эйлаги, направляются кочевники довольно значительной части населения, живущего на низменности Азербайджана, где летняя жара, зной, *при отсутствии воды*, совершенно выжигают траву и корм для скота. Здесь встречаются кочевники Мугани, Мильской и Карабахской степей, передвигающиеся почти в течение всего года. Сюда направляются за много сотен километров афшары; поднимаются с Агдама и Барды скотоводы; двигаются в течение 2—3 месяцев со своими семьями и располагаются на эйлагах турки Прикуринской низменности.

Спасительная прохлада, горные луга и речки, берущие начало из бесчисленных горных источников, привлекают сюда кочевников Азербайджана. Это обстоятельство и по-

служило, повидимому, причиной сопоставления Афганистана с Курдистаном.

Внешний кочевнический ландшафт ослепил В. Гурко-Кряжина настолько, что он распространил то, что присуще

Река Тертер у курорта Исти-Су

лько кочевникам, на все основное население Курдистана. Нельзя отрицать, что животноводство является важнейшей отраслью хозяйства в Лачинском и ведущей—в Кельбаджарском районе. Однако, даже в отношении этих двух районов его роль и значение в хозяйственной жизни далеко не одинаковы.

Дело в том, что в Лачинском районе животноводство не является исключительным и самостоятельным видом хозяйства. Здесь оно тесно связано с земледелием, при чем для большинства тех сел, где преобладающим или, вернее, основным населением являются курды, земледелие составляет решающий вид хозяйства. Таково, например, положение в Агджакенде, Бозлу, Мирик, Камаллы, Черохлы, Калача, Кара-Кешиш, Зерти. Характерно это и для Минкенда, наиболее крупного селения Лачинского района, имевшего когда-то, повидимому, большое значение в хозяйственной жизни этого района.

Средняя норма площади пашни, падающая на дом, определяется, примерно, от 4—4½ до 6 га, при чем для большинства названных сел плуг является основным орудием производства.

Согласно данным Госплана АССР, общая посевная площадь Лачинского района к урожаю 1931. года определяется, по контрольным цифрам Наркомзема, в 11.870 га. Площадь летних пастбищ значительно превышает площадь посевов. Она выражается в 63.227 га. И все же механическое сравнение приведенных цифр совершенно недостаточно и не дает подлинной картины хозяйства района. Необходимо принять во внимание, что эйлаги Лачинского района, как мы указывали выше, обслуживают территорию, во много раз превосходящую своим размером последний.

Иное положение в Кельбаджарском районе. По данным Кельбаджарского райфинотдела, площадь зерновых культур в 1931 г. занимает приблизительно 4.518 га, а общая посевная площадь свыше 11 тысяч га. Однако, если учесть пастбищный фонд и площадь под луга и сенокос, выражающиеся, по тем же данным, в 94.529 га и используемые исключительно для животноводства, а также и то обстоятельство, что посевы не поливные, что частые дожди и градобития не дают возможности получить сносный урожай,

то станет очевидным, что основным источником жизни населения является скотоводство. Гористые условия этого района способствуют последнему, задерживая рост земледелия. Известно, что Кельбаджарский район пока не имеет никаких дорог, а горные тропинки опасны для перехода не только для человека, но и животного. Однако, и в Кельбаджарском районе животноводство связано с земледелием, и там, где представляется к тому хоть небольшая возможность, последнее имеет известное значение в жизни населения. Понятно, что при этих условиях средняя площадь пашни, падающая на дом, значительно меньше, чем в Лачинском районе, и доходит в некоторых селах до $1/2$ гектара. И все же курды Кельбаджарского района, не говоря уже о лачинских курдах, не кочевники, не афганские номады, какими пытался их изобразить В. Гурко-Кряжин.

Как известно, постоянное передвижение, при отсутствии определенного места оседлости, уход за сотни километров составляют основной признак кочевого хозяйства.

Выше мы привели наиболее типичный пример передвижения у кочевников Афганистана. Нам приходилось уже указывать, что и в Курдистане встречаются кочевники, но, как это подчеркивалось нами, не из курдов, не из местного населения. Для этих кочевников пребывание на эйлагах Курдистана является одним из этапов их кочевания.

Обычно перекочевки у них происходят в течение всего года, при чем время стоянки на одном месте определяется, в основном, погодой и наличием корма.

Среди них на эйлагах Кельбаджарского района, вокруг местности Исти-Су, проводят известную часть лета следующие кочевники—тюрки, направляющиеся сюда главным образом из Прикуринской низменности: Татарлар, Ашихли, Халач, Кеберли, Муртулы, Афшар, Карадонлу, Сархаклы, Али-Эндигли (из Сальянского и Агджабединского районов), Тахлы (из Бардинского района), Мерзилы и Кенгерли (Агдамского района) и др.

Во время экспедиции нам пришлось побывать на двух таких кочевках: у Татарлар, расположившихся в своих алачугах недалеко от Исти-Су, и у Текели, группа которых разбросала свои алачуги вокруг Минкенда.

Вот примерный путь кочевания кочевников Текели, согласно их собственным данным.

Пути кочевания кочевников Текели.

№ по порядку	Пункты остановок	Время остановок	Название дорог
1	Мильская степь, Ширингум, местность Куртлар Ягаги	В пределах района, но с перекочевками. 5 мес. 10/XI по 10/IV-е	
2	Ширингум	5—6 дней	
3	Пейгамбар	5 дней	
4	Хонашин	10—15 дней	
5	Пираг-Булаг	1—2 дня	Попадают на шоссе (Даш-Елу)
6	Агдам	1 день	
7	Ходжалы	1 день	
8	Дотелеф	1 ночь	
9	Турш-Су	Не останавливаются	
10	Абдаллар	6 часов	
11	Моллалар	1—2 дня	Из Абдаллара три дороги: Даш-ел, Кызылчай-Елу и Койлу-екуш, соединяющиеся в Моллалар в Эль-ель.
12	Али-Булаги	Часы	
13	Карасу (около „Каракешиша“)	1 день	
14	Чалбаир	25—30 дней	
15	Гуней (Армения)	1 месяц	
16	Узун-Ял (обратно)	1 месяц	
17	Чалбаир	10—15 дней	
18	Карасу	1 день	
19	Моллалар	1 день	
20	Турш-Чу	Не останавливаются	
21	Шуша (Аг-Корпу)	1 ночь	
22	Агдам	2—3 дня	
23	Сарджиляр		
24	Индархи	1—2 дня	
25	Агджабеди и Курт-Ягаги	2—3 дня	
26	Кара-Агач	2 месяца	
27	Ширингум и далее		

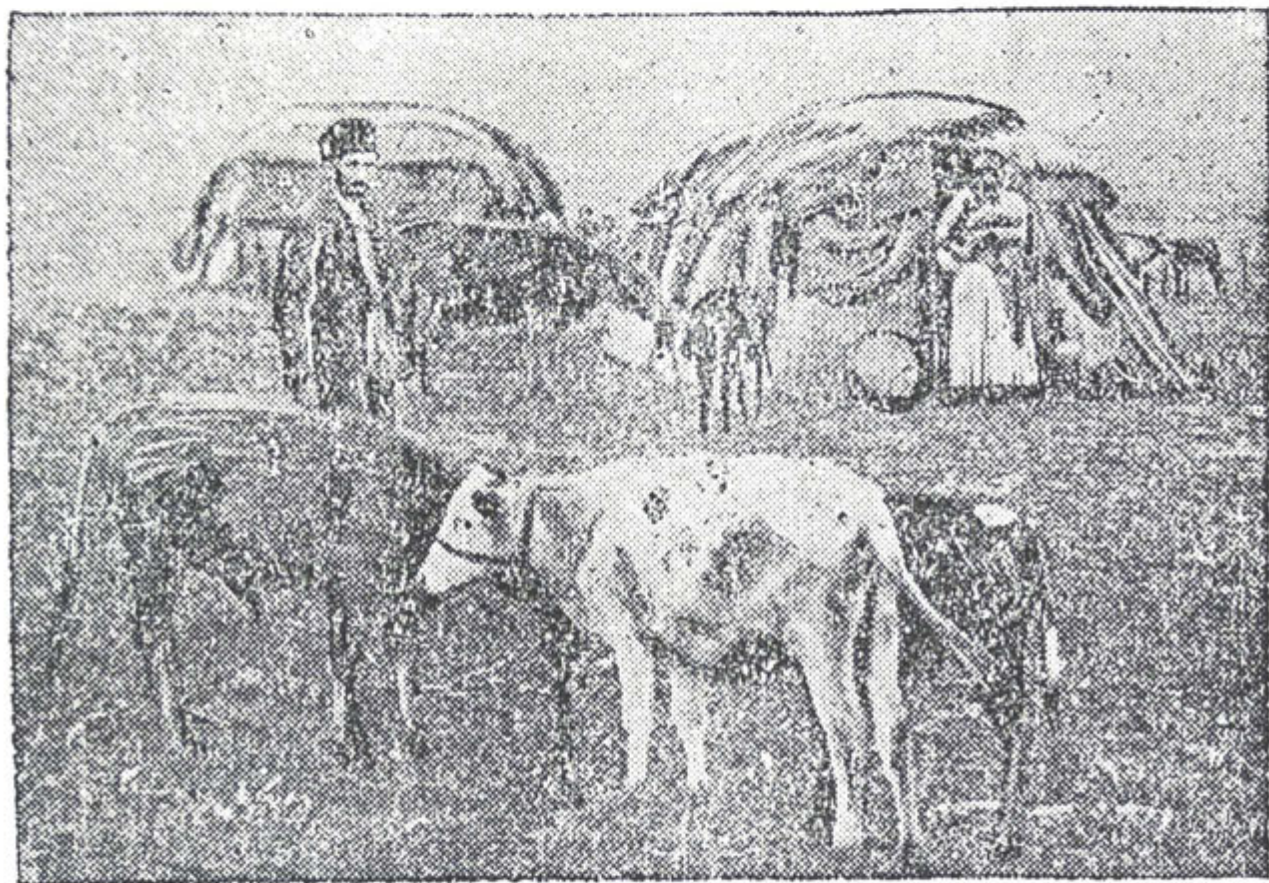
54779
 60855
 7777
 11011

КАЗАНСКИЙ АРАБСКИЙ КОЛЛЕЖИЙ
 БИБЛИОТЕКА

12
 1954

Как видно из этой „подорожной“, некоторые азербайджанские кочевники проводят часть лета на Лачинских и Кельбаджарских эйлагах, направляясь сюда из других районов, нередко за сотни километров.

Мы подчеркиваем слова из других районов, ибо они вскрывают доподлинный контингент кочевников, которые встречаются в бывшем Курдистанском уезде.

Кочевники в окрестностях Минкрнда

Было бы неправильным отрицать наличие „перекочевывания“ и отходов у коренных масс местного тюркского и курдского населения в этих районах. Однако, сущность их совершенно иная и не имеет ничего общего с типичным для кочевников передвижением.

Перейдем к рассмотрению тех отходов, которые происходят среди основных масс курдского населения обследованных нами районов.

Дело в том, что в обоих районах село (кенд) является основой хозяйственной деятельности курдов. Здесь нет кишлага и эйлага, в том смысле, в каком они существуют у кочевников Азербайджана. Из этого вовсе не следует, что здесь нет летних пастбищ. Однако, понятие кенд (село) представляет собой единство кишлага и эйлага. Правда

село, жители которого совершенно не выходят на эйлаги, иногда называется „оба“—словом, обозначающим у курдов временную общину кочевого хозяйства, состоящую из нескольких семейств.

Вот как определяет понятие „оба“ один из исследователей эриванских курдов С. А. Егиазаров ¹ „Оба“—пишет он—временная община; она составляется каждый год перед перекочевкой и продолжает свое существование до поздней осени, когда курды возвращаются в зимовники“.

Сохранившееся у некоторых сел именование „оба“ представляет не более как анахронизм, удержавшийся в памяти населения с давних времен, когда большинство последнего было кочевниками. В самом же деле часть обследованных нами курдских сел совершенно не имеют эйлагов, при чем, как нам удалось выяснить, их не было и в прошлом. По Лачинскому району к этой группе следует отнести селение Зерти и все села сельсовета Бозлу. Занятие по преимуществу земледелием освобождает жителей этих сел от необходимости выгона на пастбища имеющийся у них в очень ограниченном количестве скот.

Ко второй группе следует отнести такие села, эйлаги которых отстоят на очень незначительном расстоянии от села и, по существу, представляют продолжение или окраину села. К этой группе следует отнести большую часть сел как Лачинского, так Кельбаджарского районов. В виде иллюстрации правильности нашего вывода, позволяем себе привести следующую таблицу:

Лачинский район	Кельбаджарский район
Эйлаги отстоят от села.	
Кызыл Богаз—от с. Минкенд 4 килом.	Агджакенд—от сел. Шуртан 1 килом.
Каранглык—от Агджакенд на 7—8 килом.	Багырсак—от сел. Соух булах на 8—9 килом.
Тоже —от с. Каракешиш на 7—8 килом.	Гили—от сел. Зайлик на 10 килом.
Еди Болюк—от с. Аг-Булах на 7 килом.	Тоже —от сел. Агджакенд на 2 килом.

Наконец, к третьей группе относятся несколько селений по обоим районам, эйлаги которых отстоят от селений на расстоянии более 10 килом. Такие селения являются исключением. Счи-

¹ С. А. Егиазаров. Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии. Записки Кавк. отд. император. русского географического общества, книжка XIII, выпуск 1-й, Тифлис. 1891 г.

таем более чем уместным подчеркнуть то обстоятельство, что жители этих селений (напр., Кары-Каха Абдалярского сельсовета Лачинского района) занимаются земледелием.

Правильность наших выводов, что кочевничество не является основой хозяйственного быта курдов, обследованных нами Лачинского и Кельбаджарского районов подтверждается и тем неоспоримым фактом, что во время пастбищного сезона у населения не теряется связь между селом и эйлагом.

Прежде всего, необходимо отметить, что большинство сел, обладающих пастбищами, пользуются последними в течение полутора, двух и максимум трех месяцев. К тому же на эйлаги, как правило, выходит не все население, а только часть его, состоящая из женщин и детей до 18 лет. В Кельбаджарском районе, где животноводство, как мы уже указали, является ведущей отраслью хозяйства, имеются несколько селений, оставляющих на 1¹/₂—2 месяца свои села. И все же, даже при этих условиях, связь животноводства с сельским хозяйством, связь деревни с эйлагом не теряется. Для большинства сел Кельбаджарского и Лачинского районов уход на эйлаги почти незаметен, а в Лачинском этот уход совершенно не отражается на хозяйственной жизни района. Значительная масса населения проводит большую часть года в селе. Отходы в течение зимы незначительны, но они объясняются другими причинами, меньше всего относящимися к оправданию точки зрения В. Гурко-Кряжина о том, что азербайджанские курды—номады афганского типа.

После всего сказанного не остается никаких сомнений, в том, что руководитель Курдистанской экспедиции 1929 г. объявил желаемое за действительное, с целью подкрепить свою концепцию, сложившуюся, повидимому, у него задолго до, и, во всяком случае, вне зависимости от его экспедиции и обследования курдов Азербайджана.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в Нахкрае. Нахичеванские курды, живущие по левому берегу Аракса, по приграничной к Турции и Персии полосе, значительная часть которых ныне сосредоточена вокруг станции Араздаян, отделяющей Нахичеванскую ССР от Республики Ар-

мении, резко отличаются в этом отношении от курдов Лачинского и Кельбаджарского районов.

Курды Нахкрая могут быть отнесены к кочевникам и то со значительными оговорками. Прежде всего, животноводство является у них основным и исключительным видом

Курды Нахичеванской ССР

хозяйства. Большинство курдских поселений, расположенных по линии Джульфинской дороги, является временным жилищем их обитателей. Эйлагы Айриджа, в Армении, находятся в 60—70 км. от поселков. Уход на эйлагы начинается с начала апреля и заканчивается не ранее 1 октября. Таким образом, эйлажный период продолжается 7 месяцев, причем в течение ноября и декабря курды расселяются в районах, ближайших к жилищам, и только к концу декабря возвращаются в свои дома.

Уход из поселков полный,—в течение большей части года Нахичеванские курды теряют связь со своим жилищем.

Весь этот район летом представляет вымершую и выжженную голую степь. Изредка попадались нам группы в 10—15 человек курдов, пришедших с эйлагов для сбора сена на зиму. Оставленные без присмотра жилища напоминают заброшенные кладбища, не имеющие даже сторожа.

Таково положение в Нахкрае. Как видим, нахичеванские курды, действительно, могут быть признаны кочевниками или, вернее, полукочевниками. Однако, и в отношении их было бы совершенно неверным утверждение о крайней примитивности их социально-экономических отношений.

Социально-экономические отношения у курдов

Если В. Гурко-Кряжин просто напутал в определении характера хозяйства азербайджанских курдов б. Курдистана, отнеся последних к номадам, и если эта путаница произошла вследствие слишком поверхностного ознакомления с районом их расселения, то в определении современных социально-экономических отношений этого народа он допустил ряд грубейших ошибок, способных совершенно дезориентировать тех, кто занимается изучением процессов некапиталистического пути развития в условиях советского строя. Суммируя все собранные им материалы (последние, как мы уже отчасти в этом убедились, находятся в кричащем противоречии с фактами), В. Гурко-Кряжин пришел к выводу о господстве родовых отношений среди азербайджанских курдов.

Правда, В. Гурко-Кряжину представляются эти отношения в своеобразном или, как он выражается „в выветрившемся, деформированном виде“.

Это своеобразие заключается в том, что даже в наиболее типичном, по мнению автора, институте родового строя, каковым, по его утверждению, является система курдского „оба“, „мы наблюдаем здесь уже процесс распада патриархальной организации, начало классового расслоения и появления эмбрионов неродовой власти“.

Впрочем, дальнейшие рассуждения В. Гурко-Кряжина сильно ограничивают только-что высказанное им мнение. Сравнивая систему „оба“ у эриванских курдов с этой организацией у азербайджанских курдов, автор бесцеремонно заявляет, что последняя (азербайджанская) является более демократической, нежели эриванская, тогда как прежде, по заявлению В. Гурко-Кряжина, они были почти тождественными.

Оказывается, бóльшая демократичность азербайджанского „оба“ обязана своим происхождением советской власти. Вот как обосновывает В. Гурко-Кряжин свое очередное откровение. „У азербайджанских курдов, в особенности после советизации, мы наблюдаем несколько иную (по сравнению с эриванской А. Б.) организацию „оба“. Владение, вернее, пользование юртой и здесь является не индивидуальным, а общинным. Для обеспечения района кочевки— раньше брались в аренду соответствующие территории у кочевников или у беков. После советизации подают соответствующее заявление земотделам, которые и выделяют нужные участки в соответствии с количеством дымов и стад из земельного фонда, образовавшегося путем конфискации владений пришлых кочевников и местных помещиков“.

Не говоря уже о том, что автор ничего не говорит о новых процессах, происходящих внутри якобы существующей у азербайджанских курдов—системы „оба“ все сравнение построено по смехотворному признаку „в огороде бузина, в Киеве дядько“.

Как это следует из статей В. Гурко-Кряжина, данные об эриванских курдах и тамошней системе „оба“ автор заимствовал из известной работы Егиазарова, относящейся к 1878 году, когда работа, по словам последнего, была представлена к печати. В. Гурко-Кряжин, повидимому, запомнил, что между опубликованием его статей и, несмотря на все свои недостатки, содержательной работы Егиазарова лежит промежуток в полстолетие. Упустил Гурко-Кряжин из виду, что за это время и в Армении,—районе расслоения эриванских курдов, и в Азербайджане произошла Октябрьская Революция, и что эриванская „оба“ также пережила за этот период решающие изменения.

Можно было пройти мимо этого в том случае, если бы ошибка автора была случайна, если бы даже эта ошибка была связана с системой взглядов, присущей только его творчеству. Но дело заключается в том, что вся буржуазная, псевдо-марксистская, как и правооппортунистическая школа, сохранявшая до последнего времени свои позиции на востоковедном теоретическом фронте, не понимали и недооценивали роли Октября и значения Октябрьской Революции, как для зарубежного, так и для отсталых районов

Советского востока. Суть в том, что общественные отношения и классовая борьба постоянно выпадали из поля зрения Гурко-Кряжина и его соратников. Именно это обстоятельство и приводит автора к нелепому утверждению, что все влияние Октябрьской Революции в Азербайджанском Курдистане выразилось в том, что современная азербайджанская „оба“ представляет собой организацию более демократическую, нежели эриванская „оба“ восьмидесятых годов XIX века.

Связывая этот факт с советизацией Азербайджана, В. Гурко-Кряжин далее объясняет, что „в настоящее время управление „оба“, повидимому, сосредоточивается в руках членов данного сельсовета“.

Вот все, что, по словам Гурко-Кряжина, отличает основной институт родового строя—„оба“ в советский период, в эпоху социалистической революции.

В дальнейших своих высказываниях В. Гурко-Кряжин детализует указанный центральный тезис.

К разбору этого мы вернемся несколько позже.

А пока обратимся к исходному положению курдов Азербайджана до советизации, до Октябрьской революции, в интерпретации В. Гурко-Кряжина. Вот, что он пишет по этому поводу. „До утверждения советской власти в этих гибридных, крайне примитивных зачаточных общественных организмах шел процесс разложения патриархального хозяйства и, по выражению Энгельса, постепенного превращения „органов родового быта из исполнителей народной воли в самостоятельные органы притеснения и господства над самим же народом“.

Обращение к соответствующему месту из Энгельса („Происхождение семьи, частной собственности и государства“ изд. Петрогр. Совета Р. и К. Д. 1918 г., стр. 69) не оставляет никакого сомнения в том, что, по Гурко-Кряжину, курды Азербайджана вплоть до советизации находились на высшей ступени варварства, граничавшей, как известно, с эпохой цивилизации.

К сожалению, мы пока не располагаем письменными источниками для характеристики социальных отношений у курдов, населявших территорию так называемого Курдистана в 70-х—80-х годах прошлого столетия. Однако, тот

материал, который находится в нашем распоряжении позволяет судить о классовой дифференциации, происходившей у курдов Закавказья в период до советизации края.

Классовое расслоение у закавказских курдов началось задолго до советизации. Цитированный неоднократно В. Гурко-Кряжиным и упомянутый нами Егиазаров приводит факты, с достаточной ясностью указывающие на то, что можно говорить лишь об остатках патриархально-родового строя у курдов. Уже тогда во главе „оба“, система которой дала повод Гурко-Кряжину говорить о гибридных, крайне примитивных зачаточных общественных отношениях у курдов, стоял „ага или же богатый человек, владеющий юртой“¹

Общественно-полезные функции такого аги состояли в том, что он выступал в роли организатора животноводческого хозяйства. Однако, эти функции вытекали из его имущественного состояния, которое определялось сосредоточением в его руках юрты, состоящей из пастбищ и лугов и номинально считавшейся собственностью „оба“.

Глава „оба“, выступавший в роли „аги“, „руспи“, или „аксакала“ (старшины рода), эксплуатировал пастухов, которых он нанимал для стада, эксплуатировал и население, входившее в данную „обу“, собирал с последнего налог.

Владение юртой было наследственным и переходило от отца к сыну и далее к его прямым потомкам.

„Организаторские“ функции „аги“ прекращались с потерей его богатства. „Как скоро, отмечал Егиазаров, он (ага) впадал в бедность, то владение юртой переходит в руки более богатого, а он становится джол'ом — простым членом общины.“²

Наряду с эксплуатацией внутри общины, курды эксплуатировались своими и чужими крупными феодалами, „отцами народа“, курдскими „эльбеки“, ханами—или тюркскими феодалами, в зависимости от того, на чьей территории они находились.

Процесс классовой дифференциации усиливался в связи с ростом товарности хозяйства и по мере окончательного

1 С. А. Егиазаров, стр. 18.

2 С. Егиазаров, стр. 20.

перехода курдов на оседлость. Мы считаем, что для курдов обследованных нами районов б. Курдистана кочевничество является делом далекого прошлого, и именно это обстоятельство в связи с тем, что курды жили среди кочевников, способствовало развитию товарности их хозяйства и быстрому разложению патриархально-родового строя.

Мы уже указывали на то, что и до наших дней район Курдистана является территорией движения кочевников, Азербайджана, входивших в постоянные отношения обмена с местным населением, в частности оседлыми курдами.

Здесь вполне уместно вспомнить указание Маркса относительно того, что при этих условиях происходит все большее и большее развитие обмена, укрепление денежного хозяйства.

Вот что Маркс пишет по этому поводу: „Кочевые народы первые развивают у себя денежную форму, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме, и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем поощряет обмен продуктов“¹.

С одной стороны, происходило разложение общин и усиление процесса дифференциации внутри общин, с другой стороны накопление богатства у крупных феодалов, для которых приходящие сюда кочевые племена являлись постоянным объектом эксплуатации.

Ко времени советизации Азербайджана мы имели здесь сильно выраженную картину разлагавшихся патриархально-феодалных отношений, с господством крупных феодалов—помещиков из рода беков Султановых и Котурлинских, сородичей первых.

Лачинский, Кельбаджарский и Кубатлинский районы были вотчиной крупных беков тюрок Султановых. Мусаватское правительство узаконило их господство и с формальной стороны передачей всей власти по управлению краем Султановым, один из которых—Хосров бек Султанов—был назначен генерал-губернатором Карабаха.

Несмотря на отдельные противоречия, а иногда и прямое столкновение их интересов, кулацкие элементы разла-

¹ К. Маркс, Капитал, т. 1, стр. 47, Изд. „Пролетарий“ 1923 г.

гавшейся общины и помещики Султановы делали одно и то же дело—эксплоатации основных масс населения.

Котурлинские беки, господствовавшие до советизации в нынешнем Кельбаджарском районе, владели до 80 т. га пастбищной и пахотной земли и до 45 тысяч га леса.

Как передавало нам население, самый бедный из них—Гади бек Рзабек оглы, имел 105 дойных коров, много овец, собственных об'ездчиков, сторожей и т. д.

Крестьянство Лачинского и Кубатлинского районов находилось в экономической кабале у беков Султановых, испытывая неслыханное притеснение как от налоговых поборов и обязательств, налагаемых последними, так и от бекского разгула и дикого произвола (вплоть до права первой ночи).

Крестьянство Кельбаджар и Лачина до сих пор не может произносить спокойно имена своих бывших угнетателей. Нам приводились бесконечные примеры „незаконных“ захватов, грабежей, насилий, массовых порок и убийств, совершенных Султановыми в период их господства в Курдистане.

Счет, который может быть пред'явлен Султановым, насыщен потом и кровью крестьянской бедноты, среди которой и сейчас нередко встретить израненных, когда-то запоротых до полусмерти жертв феодального владычества.

Ничем неприкрытая голая эксплуатация чужих феодалов сопровождалась угнетением курдской бедноты со стороны „своих“ кулаков и богатеев. Курдское крестьянство находилось под двойным гнетом.

Разложившаяся община, как и всюду, привела к выделению кулацких и зажиточных, с одной стороны, и бедняцких групп крестьянства, с другой, классовая борьба между которыми происходила в своеобразных условиях неизжитых остатков родовых отношений.

Во всех курдских селах, где нам удалось побывать, выпукло выражено классовое расслоение в среде крестьянства, происходившее в условиях менее или более обостренной классовой борьбы в течение десятков лет, и теперь, после советизации края и в связи с проводимой нами реконструкцией деревни на социалистической базе, принявшие новые совершенно отличные формы.

При всех трудностях распознавания экономического неравенства внутри каждой деревни, тщательно маскируемого кулацкими элементами и богатеями села, последнее меньше всего напоминает картину, изображенную В. Гурко-Кряжиным.

В значительной части сел, внутри так называемой общины, задолго до советизации выделился кулак, имущественное положение которого резко отличалось от середняцкого, тем более бедняцкого хозяйства. Последние два типа находились в экономической зависимости от первого. Частная собственность на землю давно была господствующей формой собственности.

Накопление у отдельных семейств рода богатства, передаваемого по наследству, и выделение кулачества обозначало разложение рода, начавшееся задолго до советизации. Однако, зажиточные и кулацкие элементы цеплялись за сохранение традиций родового института, ибо последний освящал и узаконял эксплуатацию бедноты. Перефразируя сказанное Энгельсом, мы имеем полное основание утверждать, что имущие классы, в целях оправдания этой эксплуатации и грабежа, давно уже злоупотребляли родовым институтом¹.

Это обстоятельство, как мы уже указывали, в известной степени притупляло классовую борьбу, тормозило ее развертывание, облегчая тем самым экономическое господство зажиточных и кулацких элементов.

Мы установили, что, как правило, во всех обследованных нами селах аксакальство являлось, и по сей день является, привилегией кулацких и зажиточных элементов. Утверждение В. Гурко-Кряжина о том, что в Азербайджане «положение (аксакалов) основывается не на той экономической роли, которую они играют у эриванских курдов, а на иных основаниях», при чем, как это следует из общего контекста, среди оснований имеет исключительное значение авторитетность, определяемая известностью, знатностью

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Издан. Петроградск. Совета Р. и К. Д. Петроград, 1919 г., стр. 38.

происхождения и умом,—такое утверждение является совершенно неправильным и дезориентирует нас в определении природы и настоящей сущности аксакальства.

На эту сторону необходимо обратить особое внимание в связи с тем, что аксакальство до последнего времени не ликвидировано, и что полная ликвидация его осуществится вместе с проводимой теперь, на основе сплошной коллективизации, ликвидацией кулачества, как класса.

Аксакал—это прежде всего богатей, кулак, высасывающий кровь бедноты, эксплуататор, действующий на правах старшего и наиболее „уважаемого“ в роде. Именно последнее обстоятельство и облегчало кулаку быть фактическим господином на селе, осуществлять и сохранять свое экономическое господство.

Мы могли бы привести десятки примеров, подтверждающих правильность нашего утверждения о классовой природе и сущности аксакала.

Для иллюстрации приведем один из них.

Состояние некоего Самед Гаджи-оглы из рода Тарулла (Шахвердияр), проживающего в Минкенде, определялось до советизации следующим имуществом:

25 лошадей, 100 голов крупного рогатого скота, 200 баранов, 30—40 коров, 20—25 десятин посева. Кроме этого, он владел 30—40 дойными коровами. Отец его, Гаджи Вели Худаверди оглы, передал еще при жизни, из-за старости, управление всем хозяйством сыну. Как отец, так и сын были аксакалами. Наряду с эксплуатацией работавших у них наемных пастухов, женщин-работниц, занятых уходом за коровами, нукеров (слуг), аксакал заставлял работать на себя и весь род. Последний был закабален своим аксакалом.

Одним из видов закабаления служило ростовщичество, при чем, как удалось установить, аксакал давал деньги в займы почти исключительно своим сородичам, отказывая в ссудах членам чужого рода.

Обнищание крестьянского населения являлось причиной быстрого развития ростовщичества, еще больше разорявшего крестьянское хозяйство, еще больше закабалявшего бедноту.

Характерно, что власть аксакальства в деле эксплуатации рода усиливалась путем сосредоточения в руках аксакала полицейских функций—юзбаши, уряншика и пр.

При наличии в роде двух претендентов на роль старшего аксакала, преимущество отдавалось сочетавшему в своем лице и богатство и полицейскую должность (напр., юзбаши). Такие случаи в прошлом нами были зафиксированы по Лачинскому району, в частности, в сел. Минкенд.

Аксакальство—билет на право эксплуатации под покровом родовых традиций—иногда бывало принадлежностью моллы, выходца из богатой семьи, полунавшего обычно в Персии свое религиозное образование для одурманивания и закабаления бедноты. Это имело место в ряде сел. Селение Агджакенд, Лачинского района, где религиозные функции моллы совпадали с наследственной ролью аксакала, не является в этом отношении исключением.

Понятно, что при этих условиях здесь, до утверждения советской власти, происходил процесс пауперизации населения, вынужденного искать недостающие для существования средства в отходничестве, в батрачестве, как у „своих“ так и у „чужих“ феодальных кулацких и зажиточных групп. Отход бедноты на заработки в течение зимы был обычным явлением для большинства курдских сел. Отходничество части населения на низменность укрепляло у поверхностного исследователя впечатление о господстве кочевого быта у курдов Лачинского и Кельбаджарского районов. А между тем и сейчас отходит беднота, совершенно не владеющая скотом или располагающая последним в самом ничтожном количестве. Отходники направлялись в Агдам, Барду, Агджабеды, где устраивались на работу у зажиточных крестьян по уборке и севу хлеба, хлопка, работали на постройках дорожного транспорта, в качестве носильщиков, грузчиков и т. д.

Нам приходилось встречать немало таких бедняков. Из них некоторые идут в отхожий промысел систематически больше двух десятков лет. В сел. Бозлу, Лачинского района, привелось беседовать с крестьянином, который 35 лет сряду идет зимою на низменность.

Среди остальных групп населения только очень зажиточные, обладающие большим количеством скота, иногда

направляются туда зимою со своим скотом. Их совершенно ничтожный процент, они исчисляются единицами даже в селах, где скотоводство является ведущей отраслью хозяйства.

Вопреки В. Гурко-Кряжину, мы утверждаем, что „перекочевыванье“ зимы являлось уделом бедноты, пополнявшей в течение ряда лет группы батрачества на низменности, при чем ежегодный размер отхода определялся урожаем, а самый отход, как объясняют сами отходники, боязнь умереть с голода.

Ко всему этому необходимо указать, что степень отхода в обследованных нами районах не одинакова для всех сел и колеблется в соответствии с условиями каждого села: в наиболее бедных селах отход достигает значительных размеров, падая до ничтожного процента в остальных.

Приведем на этот счет некоторые данные за 1930 г.

По Лачинскому району.

В сел. Зерти	из 42 хозяйств	отход охватывал—32 хозяйства
„ Минкенд	из 270	„ „ —50
„ Бозлу	из 71	„ „ —3—4
„ Калача	из 16	„ „ —5
„ Шейланлы	из 65	„ „ —до 20

По Кельбаджарскому району.

В сел. Шуртан	из 70 хозяйств	отход охватывал—от 5 до 10 хоз.
„ Союх-булах	из 41	„ „ —от 3 до 7 хоз.
„ Зайлик	из 119	„ „ —7—8 хозяйств.

Из приведенной таблицы видно, что наибольший процент отхода падает на сел. Зерти, Лачинского района. И это не случайно. Это селение является наиболее бедным в Лачинском и Кельбаджарском районе. Часть населения этого села до сих пор живет в пещерных жилищах. Находясь вдали от дорожной магистрали, забытое село представляет собой один из живых памятников жилищных условий курдов в далеком прошлом, о которых рассказывал 2¹/₂ тысячи лет тому назад Ксенофонт.

Наряду с этим, есть целый ряд сел, где отхода совсем нет или почти нет. Таково положение в Агджакенде, в Каракешише и др. селах.

Уход зажиточных в течение зимы на низменность, как уже было отмечено, совершенно ничтожен. Так, в сел. Минкенд из 50 хозяйств только 2 уходят со скотом. Оба хозяйства принадлежат зажиточным. Считаем вполне уместным упомянуть, что отход в Лачинском районе значительно больше отхода в Кельбаджарском, в основном, животноводческом районе, а это лишний раз показывает, насколько утверждение о кочевничестве курдов находится в прямом противоречии с действительностью.

Уход бедняцкого крестьянства на заработки в отхожий промысел имеет место и среди обследованных нами курдов Нахкрая, но в гораздо меньшем размере, чем в Лачинском и Кельбаджарском районах. Это обстоятельство объясняется, прежде всего, тем, что Нахкрайские курды, сосредоточенные в основном в Сталинском (бывш. Шарурском) районе, главным образом полукочевники, и громадное большинство бедняков состоит на работе по найму у „своих“ зажиточных и кулацких слоев, находясь на положении батрака. Однако; крайняя эксплуатация батрачества, протекающая в условиях сохранившихся и поддерживаемых аксакалами родовых традиций, заставляет отходить небольшую часть бедняцких слоев деревни в соседние тюркские села. В последних оплата труда батрака значительно выше, чем у родителей. Так, в сел. Садарак, находящемся в нескольких километрах от ст. Араздаян, периодически работают в качестве батраков свыше 20 курдов, как правило, это происходит летом во время уборки урожая. В то же время группа батраков сел. Садарак, состоящая из тюрков, находится на работе у зажиточных курдов по уборке сена. Таким образом, отход курдской бедноты объясняется не столько отсутствием возможности приложить свой труд в „родных“ пенатах, а большей эксплуатацией курдским кулачеством „своей“ курдской бедноты.

Пережитки родовых отношений и социалистическое строительство

Обследование Лачинского и Кельбаджарского районов показывает, что нет никаких оснований говорить о господстве родовых отношений среди курдов этих районов. Вопреки мнению Гурко-Кряжина, оседлость, давно установившаяся частная собственность на землю, расслоение крестьянства, происходившее до советизации и принявшее, начиная со времени последней, форму обостренной классовой борьбы, содействовали полному разложению этого института, потерявшего в этих районах, в основном, свою экономическую базу. Борьба за колхоз окончательно подтачивает его корни, а укрепление органов советской власти и партийного влияния на массы, в связи с колхозным строительством, уничтожит этот, поддерживаемый бывшими господствующими классами, тормоз социалистического строительства.

Мы довольно подробно остановились на роли аксакальства в так называемом Курдистане. Несомненно, остатки влияния этого пережитка родовых отношений до сих пор не преодолены, а аксакальство, как кулацкий институт, и теперь является серьезной опасностью для успешного и победоносного социалистического строительства в курдской деревне. Понятно, что движение бедняцкого и середняцкого крестьянства за создание новых и укрепление имеющихся колхозов является тем стержнем, вокруг которого происходит классовая борьба, являющаяся в этих районах борьбой не просто с кулаком, а кулаком—аксакалом, что ее значительно затрудняет и осложняет. Мы имеем полное основание утверждать, что недостаточное разоблачение аксакальства мешает разворачиванию классовой борьбы, дает возможность кулакам зачастую вести за собой отсталую часть бедняцкого крестьянства.

Прежде всего, это доказывается крайне недостаточным темпом колхозного строительства в этих районах, особенно среди курдского населения Кельбаджарского района.

Обратимся к Лачинскому району.

Согласно материалам Лачинского исполкома, подтвержденным данными и районного комитета партии, число

коллективизированных хозяйств в районе на 15 августа 1931 года выражалось в 26%. Известно, что, в среднем, коллективизация для нехлопковых районов Азербайджана, примерно к этому времени, достигала 41,3 процентов. Таким образом, процент коллективизации явно недостаточен. Однако, он еще меньше по курдским селам.

В результате работы экспедиции удалось выяснить, что в Лачинском районе имеется 11 курдских сел: 1) Зерты, 2) Минкенд, 3) Бозлу, 4) Камаллы, 5) Калача, 6) Черохлы, 7) Агджакенд, 8) Каракешиш, 9) Аг-Булах, 10) Шейланлы и 11) два небольших отселка последнего: Катос-бина и Чай-бина, являющихся продолжением друг друга.

Приведем имеющиеся в нашем распоряжении данные о колхозном строительстве по этим селениям Лачинского района.

Название села	Общее число хозяйств		Из них входят в колхоз		Образуют ТОЗ (в курдск. хозяйств.)
	Всего	Из них курдских	Всего	Курдских	
1. Зерты . . .	42	42	—	—	—
2. Минкенд . .	270	170 (при- мерно)	66	40 (при- мерно)	—
3. Бозлу . . .	71	71	—	—	19
4. Камаллы . .	107	107	—	—	—
5. Калача . . .	16	16	—	—	—
6. Черохлы . .	44	44	—	—	—
7. Агджакенд .	45	45	—	—	43
8. Каракешиш	107	107	76	76	—
9. Аг-Булаг . .	67	67	—	—	36
10. Шейланлы .	65	65	—	—	—
11. Катос-бина	30	30	—	—	—
Чай-Бина . .	20	20	—	—	—
Всего . . .	884	774	142	116	98

Таким образом, из 784 курдских хозяйств Лачинского района, сосредоточенных в 11 селах, имеются 2 колхоза с 116 хозяйствами и в 3-х селениях имеются 3 Тоза, охватывающие 98 хозяйств (из 183 хозяйств в этих селениях).

Значительно слабее обстоит дело колхозного строительства в Кельбаджарах. Несомненно, организация животноводческих колхозов составляет известную трудность. Это отражается на общей цифре коллективизации Кельбаджарского района. Процент коллективизации по этому району на 1 сентября 1931 года выражался в 7,1.

Согласно данным экспедиции, в Кельбаджарском районе 6 курдских сел: 1) Союх-Булах, 2) Шуртан, 3) Зейлик, 4) Агджакенд, 5) Оруджлу и 6) Халанлы.

Из них только в одном сел. Агджакенд имеется колхоз. Это видно из следующей таблицы:

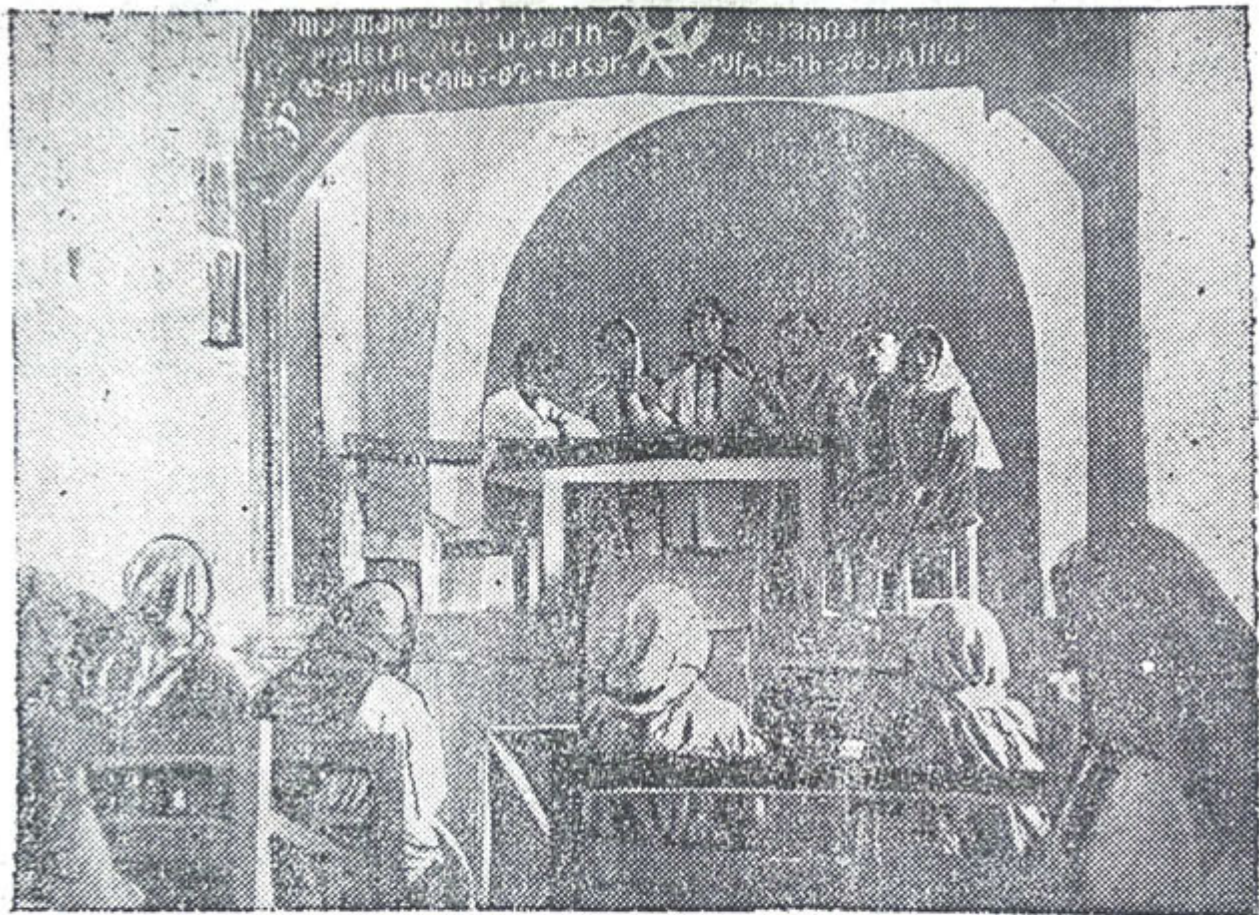
Название села	Общее число хозяйств	Из них входят в колх.
1. Союх булах . . .	41	—
2. Шуртан . . .	70	—
3. Зайлик . . .	119	—
4. Агджакенд . . .	88	29
5. Оруджлу . . .	58	—
6. Халанлы . . .	56	—
Всего . . .	432	29

Таким образом, из 432 хозяйств курдов только 29 коллективизированных, при чем % коллективизации, в курдских селах несколько меньше и без того совершенно ничтожного процента коллективизации по Кельбаджарскому району в целом.

Пережитки родовых отношений, сохранившиеся в основном, в виде института аксакальства, при недостаточной партийной и советской работе в этих районах, задерживают дело социалистической перестройки курдской деревни, затрудняют развертывание борьбы с кулаком и зажиточными элементами, скрывающимися за этими родовыми традициями. В этом отношении нам удалось проследить несколько случаев, достаточно характерных для этих районов.

В сел. Минкенд, Лачинского района, 18 зажиточных крестьян, платящих индивидуальный налог и не принятых по этим основаниям в колхоз, повлияли на своих родственников (братьев, племянников и проч.) в том направлении, чтобы и последние, среди которых имеется беднота, не вступали в колхоз. Это им удалось. Беднота из рода Таруллу, Залыклы и проч. до последнего времени воздержив-

валась от вступления в колхоз. И в селении Минкенд, где колхоз работает довольно не плохо, процент колхозников к общему числу хозяйств сравнительно мал. Как мы уже отмечали выше, из 270 только 66 хозяйств входит в колхоз, причем в прошлом колхоз дважды распадался, став только недавно на твердые основы.

Женское собрание в сел. Кельбаджары

На собрании комсомольского и партийного актива, а также бедноты, указывались случаи, когда группа бедноты, например, из того же рода Таруллы, требовала включения в колхоз зажиточного родственника, мотивируя свое воздержание от вступления в колхоз следующими словами: „пусть—эми (эти—дядя) войдет в колхоз, тогда и я войду“. В Кельбаджарском районе, где пережитки родовых отношений сохранились в большей степени, чем в Лачинском районе, процент коллективизации, как это мы показали, еще меньше.

В Сталинском районе (б. Шарурский) Нахкрая, где проживает большинство Нахкрайских курдов, в основных курдских поселках нет ни одного колхоза. И это, на наш

взгляд, совершенно не случайно. Нам представляется, что вряд ли в каком-либо районе Азербайджана сохранилось такое влияние пережитков родовых отношений, как среди курдов Нахкрая. Кочевание нахичеванских курдов содействует этому. Остатки родовых отношений играют здесь значительную роль не только внутри рода, но и за пределами, во взаимоотношениях с другими соседними родами. Дело здесь не ограничивается простым наименованием родов, как это, в большинстве случаев, имеет место в Кельбаджарском и Лачинском районах. Заметим, что в последних, особенно по Лачинскому району, наименование рода сохранилось твердо в памяти стариков, тогда как молодежь зачастую с трудом указывает, к какому роду принадлежит та или иная семья, или выходцем какого рода является сам опрашиваемый.

Как это будет впоследствии видно из таблицы, в каждом селении имеется 2, 3, 5, 7 и больше родов. Здесь род является, в основном, пережитком. Впрочем, в Лачинском районе нам пришлось посетить село Калача, что неподалеку от Минкенда, состоящее сплошь из родственников, принадлежащих одному роду. Понятно, что при этих условиях выявить из 16 хозяйств села кулаков и зажиточных, построить крепкий колхоз, а не лжеколхоз, развернуть борьбу с кулацкими элементами села представляет серьезные, но преодолимые трудности, и требует соответствующей работы партийных и советских организаций. А этим пока местные организации похвастаться не могут.

Все же сел. Калача составляет в этом отношении и для Кельбаджарского и для Лачинского районов исключение. Не то — среди нахкрайских курдов. Приведенное нами исключение здесь является правилом. Прежде всего, необходимо указать, что курдские селения, расположенные вокруг ст. Араздаян, представляют собой родовые поселки, носящие наименование рода, а не собственного названия, имеющегося давно у каждого селения. Всего в этом районе 7 курдских селений: 1) Кара-Бурун, 2) Яных, 3) Коркмас, 4) Гялаван, 5) Махмуд-кенд, 6) Водокачка и 7) Кыгач. Однако, эти названия большей частью не употребляются, а селениям присвоены наименование живущего там рода.

В соответствии с этим селения Кара-Бурун и Яных носят названия Шавлики; селение Коркмас по этому же

признаку именуется сел. Бануки; селения Гялаван, Махмуд-Кенди Водокачка, где проживает род Гарики, именуют названием рода Гарики; наконец, сел. Кыгач носит имя рода Башки. Все эти селения, как мы уже упоминали, находятся вокруг тюркского сел. Садарак, представляя собой ряд бывших отселков Садарака, и расположенных на территории от границ железнодорожной линии Джульфа—Баку до реки Аракса, отделяющей СССР от Турции и Персии, примерно шириной в 5—7 клм. и длиной в 10—12 клм. Указанные курдские селения об'единяются единым сельсоветом, выделенным год назад в самостоятельную административную единицу Сталинского района Нахкрая и носящим названия Шавликского сельсовета. Как мы покажем дальше, нельзя сказать, чтобы в условиях страны строящегося социализма это название было удачным. Дело в том, что род Шавлики не является самым значительным по числу входящих в этот род членов и, таким образом, этот род вовсе не об'единяет большинство курдов, населяющих этот район.

Согласно данным, полученным нами из Сталинского районного исполнительного комитета, число населения по описываемым нами курдским селениям на 5 сентября 1931 года выражается в следующих цифрах:

Назв. села или рода	Число хоз-ств	Число жителей
Шавлики	54	315
Яных	57	264
Гялаван	87	383
Коркмас	26	135
Башки	60	410
Всего . 284		1507

В этой таблице наименование рода в одном случае заменяется названием, присвоенным селу, где проживает данный род.

Так, например, в одном случае в таблице приведено наименование рода—Шавлики, в другом наименование села Яных, также населенного родом Шавлики; Гялаван и Коркмас являются названиями сел, где живет род Гарики, тогда как сел. Кыгач, по сведениям районного исполнительного комитета, именуется то именем Кыгач, то именем рода, населяющего это селение—Башки.

Исходя из данных приведенной нами таблицы, а также принимая во внимание имущественное состояние рода Шавлики, живущего в селениях Кара-Бурун и Яных, и остальных родов, в частности рода Башки, живущего в сел. Кыгач, мы получим следующую картину:

Род Шавлики в двух занятых им селах располагает:

	Быки и кр. рог. скот	Лошади	Овцы	Ослы
Сел. Кара-Бурун	223	57	1814	9
„ Яных	315	55	2480	5
<hr/>				
Всего	538	112	4294	14

Род Башки, населяющий сел. Кыгач, располагает:

Быков	Лошадей	Овец	Ослов
346	43	798	5

Род Шавлики включает **579** чел., род Башки—**410** чел. Однако, имущественная разница этих двух родов далеко превосходит разницу в числе населения, при отсутствии природных отличий в местности: села отстоят на ничтожном расстоянии (пара клм.) друг от друга.

Сравнительные данные неопровержимо показывают, что экономически род Шавлики значительно богаче других родов и, в частности, приведенного нами рода Башки.

Не трудно догадаться, что дело идет не о роде в целом, а о силе господствующих, кулацких слоев рода, в руках которых сосредоточено основное богатство села при общей бедности основных масс обоих сел. Значительное влияние сохранившихся здесь пережитков родовых отношений способствует сохранению господства кулачества и зажиточных элементов, аксакалов, носящих у нахкрайских курдов название руспи (что значит, так же, как и слово аксакал—белобородый, белолицый, седовласый, старик, старейший). Наиболее мощный господствующий слой рода в межродовых отношениях (скажем между родом Шавлики и родом Башки) делает господствующим род в целом.

Легко понять, почему род Шавлики при этих условиях считается наиболее сильным, а кулацкие элементы этого

рода „вливают“ не только на своих сородичей, но сами, или через находящуюся еще под значительным их влиянием часть бедноты, задают тон во всем районе. Даже наши советские организации допустили ошибку, назвав объединенный сельсовет Шавликским сельсоветом.

Перейдем к другому элементу родового института—к кровной мести.

Если кровная месть в Лачинском и Кельбаджарском районах почти не играет никакой роли, если родовые убийства за последние 10—15 лет являются в этих районах редкостью, то у курдов Нахкрая этот типичный родовой институт продолжает сохраняться до последнего времени, причем, несмотря на последовательное взаимное уничтожение членов или сторонников того или другого рода, характерное для этого института, и здесь можно установить наступающую и обороняющуюся сторону. Наступающей стороной обычно является экономически более богатый род. В условиях разворачивающейся, хотя чрезвычайно медленно, у нахичеванских курдов классовой борьбы, все более и более проникающего, несмотря на крайне недостаточные темпы, партийного влияния, убивают, под флагом кровавой мести, освященной традициями родовых отношений, бедноту из чужого рода.

Как нам удалось выяснить из рассказов, между родом Шавлики и Башки ведется старый спор, старая тяжба. Убийство членов рода Башки частое явление. В июне 1931 года шавликцы убили бедняка-батрака. В июне 1931 года те же шавликцы ранили тюрка, рабочего ударника. Нет никаких сомнений в том, что эти убийства, носящие ярко выраженный классовый характер (подробностей нам не удалось выяснить), были организованы кулаками из рода Шавлики. Тем не менее, примирителями между родами, между исполнителями убийства и ранения и родичами пострадавших и убитых выступали аксакалы, курдские русские, на этот раз надевшие на себя тогу миротворцев.

Необходимо подчеркнуть, что в Нахкрае особенно, но и по отдельным курдским селам Лачинского и Кельбаджарского района также, аксакалу вплоть до наших дней удается удерживать свое влияние и на внутреннюю, порой самую интимную сторону жизни своих сородичей. Взаимные

споры и тяжбы, браки, разводы и неудачи семейной жизни, несчастье, земельные и хозяйственные споры, драки и убийства, кражи, клевета и т. д.—все эти вопросы стекаются для совета и разрешения к аксакалу там, где его авторитет еще сохранился.

В связи с этим распознавание остатков или пережитков родовых институтов, в частности действительной роли аксакальства, сопряжено с большими трудностями. Разумеется, что чем сильнее действуют, чем более крепки пережитки этого института—тем труднее выяснить отдельные его элементы, тем скрытней род в целом, тем больше влияние родовых традиций, благодаря которым кулачеству удается опутывать бедноту, тем сложнее, стало быть, борьба с этими пережитками.

В этом нам удалось легко убедиться на опыте изучения этого действующего института в Нахкрае и отмирающих элементов его в Кельбаджарском и, особенно, в Лачинском районах Азербайджана. Племенные и родовые связи, остатки которых особенно сильны среди курдов Нахкрая, затушевывают все обостряющиеся классовые противоречия.

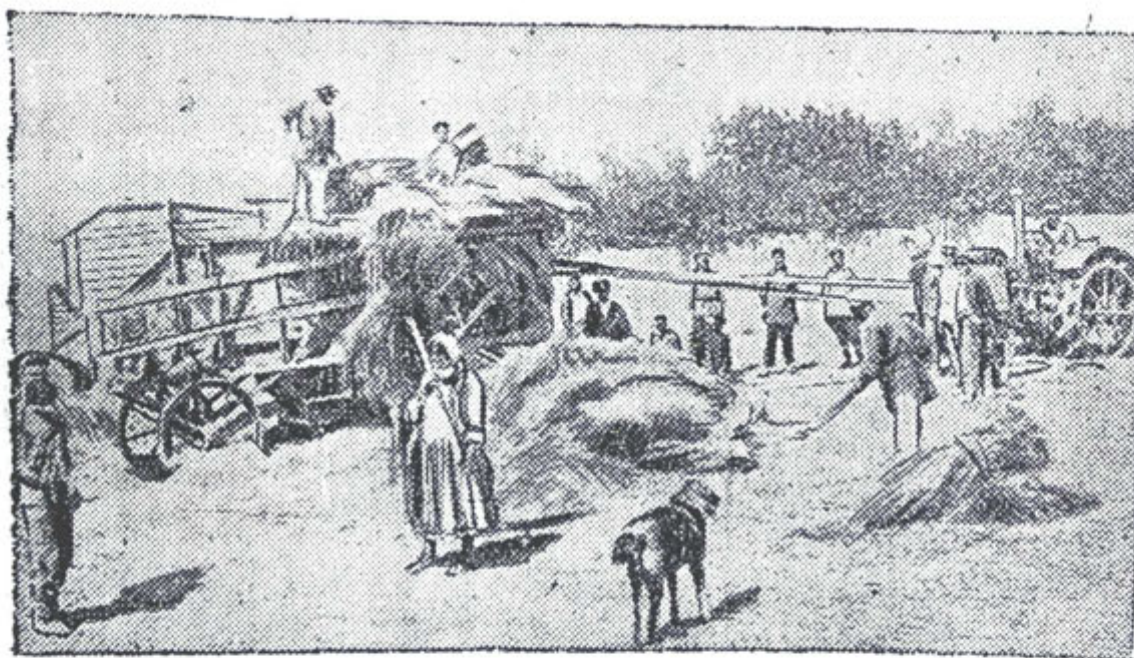
Понятно, что при этих условиях классовый враг применяет самые разнообразные формы и методы борьбы против советской власти и отдельных ее мероприятий, затрудняя проведение в жизнь задач по социалистическому строительству и организацию вокруг этих задач бедноты.

Казалось бы, что, в силу этого, работа местных советских и партийных организаций в деле усиления влияния на бедноту, за ее организацию, должна быть удешевлена, а между тем в этом отношении роль партийных и советских организаций в обследованных нами районах совершенно недостаточна. Прежде всего, как правило, не существует объединений бедноты, колхозное строительство в курдских селах, как мы уже отмечали выше, значительно отстает по сравнению с другими районами и, в частности, с селами, с некурдским населением, партийная прослойка среди курдской бедноты почти отсутствует. Коммунисты насчитываются единицами, комсомольское ядро среди молодежи ничтожно. Наконец, имеющиеся в этих районах колхозы и, особенно, совхозы совершенно недостаточно влияют на окружающие их курдские села.

Вопреки прямому указанию Центрального Комитета ВКП (б) и Совета Народных Комиссаров СССР, выраженному в известном июльском обращении 1931 года о развертывании социалистического животноводства, имеющиеся в обследованных нами районах совхозы, в частности овцеоб'единения („Овцевод“), не выполняют возложенных на них больших задач.

Животноводческие совхозы должны были показать окружающим их колхозам и индивидуальным крестьянским хозяйствам образцы социалистического хозяйствования, новой техники, новой организации всего производства животноводческой отрасли и обеспечить свое влияние в деле социалистической переделки и развития на новых началах животноводческого хозяйства.

Крупнейший совхоз „Овцевод“, сохраняющий скот течение всех летних месяцев в Кельбаджарском районе, и животноводческие совхозы „Овцевода“, имеющиеся в районе расселения нахкрайских курдов, совершенно оторваны от района и живут настолько замкнуто, что напоминают крепость, отгородившуюся от всего окружающего и живущую лишь своими интересами.

Колхоз в сел. Сардарак, Нахкрай

Колхоз большого селения Садарак, соседний с курдскими поселками, почти не связан с последними. Полное

отсутствие связи с курдами характерно и для мощного совхоза имени тов. Буниат Заде, расположенного в этом же районе Нахкрая.

И при всем этом борьба за колхоз, за социалистическое переустройство села является массовым движением курдского, как и тюркского трудящегося крестьянства. По мере преодоления сопротивления „своего“ и „чужого“ кулака, по мере полного освобождения отсталой части бедняцкой и середняцкой массы от влияния классовых врагов, это движение, происходящее в условиях все обостряющейся классовой борьбы, включает в себя все новые отряды трудящихся крестьян.

Несмотря на свою слабость и сравнительную молодость, имеющиеся в районах бывшего Курдистана колхозы показывают со всей ясностью преимущество своей организации перед индивидуальным крестьянским хозяйством, являются наглядным доказательством того, что в связи с коренной социалистической перестройкой села трудящиеся крестьяне смогут решительно улучшить свое экономическое положение и выйти из того состояния „идиотизма сельской жизни“, которое для курдской бедноты, в силу исторически сложившихся условий, отягощалось национальным гнетом.

Это положение стало аксиомой для миллионов трудящегося крестьянства нашего Союза: они голосуют за него массовым вхождением в колхоз, организацией районов сплошной коллективизации и на основе ее полной ликвидации кулачества, как класса.

Вряд ли нужно было останавливаться на иллюстрации его примерами из опыта колхозного строительства в бывшем Курдистане. Дело, однако, в том, что в той небольшой литературе, изданной уже в советский период, в 1928 году, которая имеется об азербайджанских курдах, мы встречаемся с иными установками, с иными рецептами, пройти мимо которых было бы преступлением перед трудящимися курдами.

Вот что, например, писал в 1928 году о своем пребывании в селении Мирик, Лачинского района, один из „исследователей“ азербайджанских курдов В. М. Сысоев.

„Хозяин-курд, у которого мы остановились в Мирике, был довольно зажиточный человек; у него оказался даже

никелированный самовар. И сам хозяин и его жена, тоже курдинка, были очень внимательные, точные и хозяйственные люди: у них все было в порядке и чистоте. Хозяйка приготовила для нас чистый свежий чурек; поджарила в хорошем масле курицу, изготовила даже в виноградных листьях вкусную „долму“ и т. д.; к чаю подали хороший, чистый „дошаб“. Очевидно, заключает автор приятные, повидимому, для себя воспоминания, — при работе, уме и внимании даже в ущельях Курдистана можно жить с полными культурными удобствами; однако, пока половина населения живет еще в пещерах почти доисторическими пещерными троглодитами¹.

Нужно ли доказывать, что эти рассуждения заимствованы автором из арсенала обычной и гнусной клеветы классовых врагов о „мудром“ хозяйствовании кулака, до сих пор усиленно ими распространяемой, и иногда не без некоторого успеха среди части наиболее отсталых и забытых курдов. Тем более нельзя не ударить по таким высказываниям, что брошюра В. М. Сысоева издана Азкомстарисом в 1928 году, и что на титульном листе брошюры выбито буквами: „Наркомпрос АССР“, что, наконец, такая откровенная кулацкая апологетика до последнего времени не была разоблачена.

Однако, вернемся к опыту колхозного строительства в Курдистане, переделывающему и быт и самого трудящегося курда.

Обратимся к имеющимся в нашем распоряжении данным для иллюстрации общеизвестного положения, что только колхоз освобождает крестьян от нужды, что „колхозы являются единственным средством, дающим крестьянам выход из нужды“. (Сталин).

Достаточно указать, что в связи с вступлением в колхозы, число неорганизованно отходящих в течение зимы на низменность уменьшается, а по некоторым колхозам (например, Минкенд) такое „перекочевание“ совершенно прекратилось.

¹ В. М. Сысоев. Курдистан. Лачин. Археологический очерк. Отд. оттиск из 3-го выпуска „Известий Азкомстариса“, Баку, 1928 год. Наркомпрос „Азкомстарис“, стр. 18.

Организация и разделение труда (пусть пока еще и примитивное) внутри колхоза освобождает крестьянство от непроизводительной работы, особенно присущей индивидуальному хозяйству животноводческого типа. Во время экспедиции нам приходилось слышать по этому поводу неоднократно признания самих крестьян-колхозников. Жизнь колхоза подтверждает, что такие заявления не случайны и базируются на освоенном ими опыте.

Вот положение в одном из этих колхозов, находящемся в селении Минкенд, Лачинского района. Колхоз имени Карла Маркса является смешанным по национальному составу своих участников: из 66 хозяйств—40 курдских и 26 тюркских. Колхоз состоит из двух секторов: животноводческого и зернового. Нам удалось побывать на эйлаге, что в 4-х километрах от селения. Туда был переброшен на лето весь обобществленный колхозный скот: 96 быков, 55 коров, 192 головы мелкого скота, 18 кобылиц, 40 лошадей и 22 осла. Эйлаг обслуживало 17 человек: 9 женщин и 8 мужчин, тогда как большинство, все другие члены колхоза, осталось на селе, занятое полевыми работами. Даже внешний вид алачуга колхозников обращает внимание своим убранством и чистотой, в отличие от неприглядного вида окружающих кибиток, ведущих индивидуальное хозяйство, и особенно грязных и темных алачугов кочевника-бедняка, расположившегося неподалеку от эйлага колхоза. Разделение труда имеется и внутри животноводческого сектора колхоза: часть колхозников занята уходом за скотом, выделена группа доильщиц, во главе которых поставлен старший. Другая часть занята обработкой молока, поступающего в специальное хранилище. Тут же, в алачуге, имеется сепаратор для сливок; из сливок в „нейра“ (маслобойка) сбивается масло. Питание членов колхоза значительно лучше и более организовано, чем в индивидуальном бедняцком и середняцком хозяйствах.

Во главе животноводческого сектора Минкендского колхоза стоит курд, бывший бакинский рабочий, строящий вместе с тюркскими и курдскими трудящимися новый интернациональный, социалистический тип хозяйства.

Минкендский колхоз им. К. Маркса не является единственным, так же как и не единичен в этих районах бакинский рабочий.

Колхозница (колхоз им. Карла Маркса, с. Минкенд)

Можно было бы продолжить наше описание или привести аналогичные примеры, но и приведенного достаточно для лишней иллюстрации превосходства колхоза перед индивидуальным крестьянским хозяйством, превосходства, осознанного трудящимися крестьянами этих районов.

Мы далеки от идеализации имеющихся колхозов. Нечего и говорить, что колхозники далеко не отрешились от традиций и привычек прошлого, что все еще не изжиты мелко-собственнические и индивидуалистические пережитки. Это не может не влиять на состояние колхозов (производи-

тельность труда, распределение труда внутри колхозов и т. д.), на рост и организацию новых колхозов.

Дальнейшее развертывание колхозного строительства, особенно животноводческого типа, должно базироваться на обязательном организационно-хозяйственном укреплении существующих колхозов, улучшении всей постановки в деле организаций колхозного производства, являющимися центральной задачей на данном этапе социалистической реконструкции села.

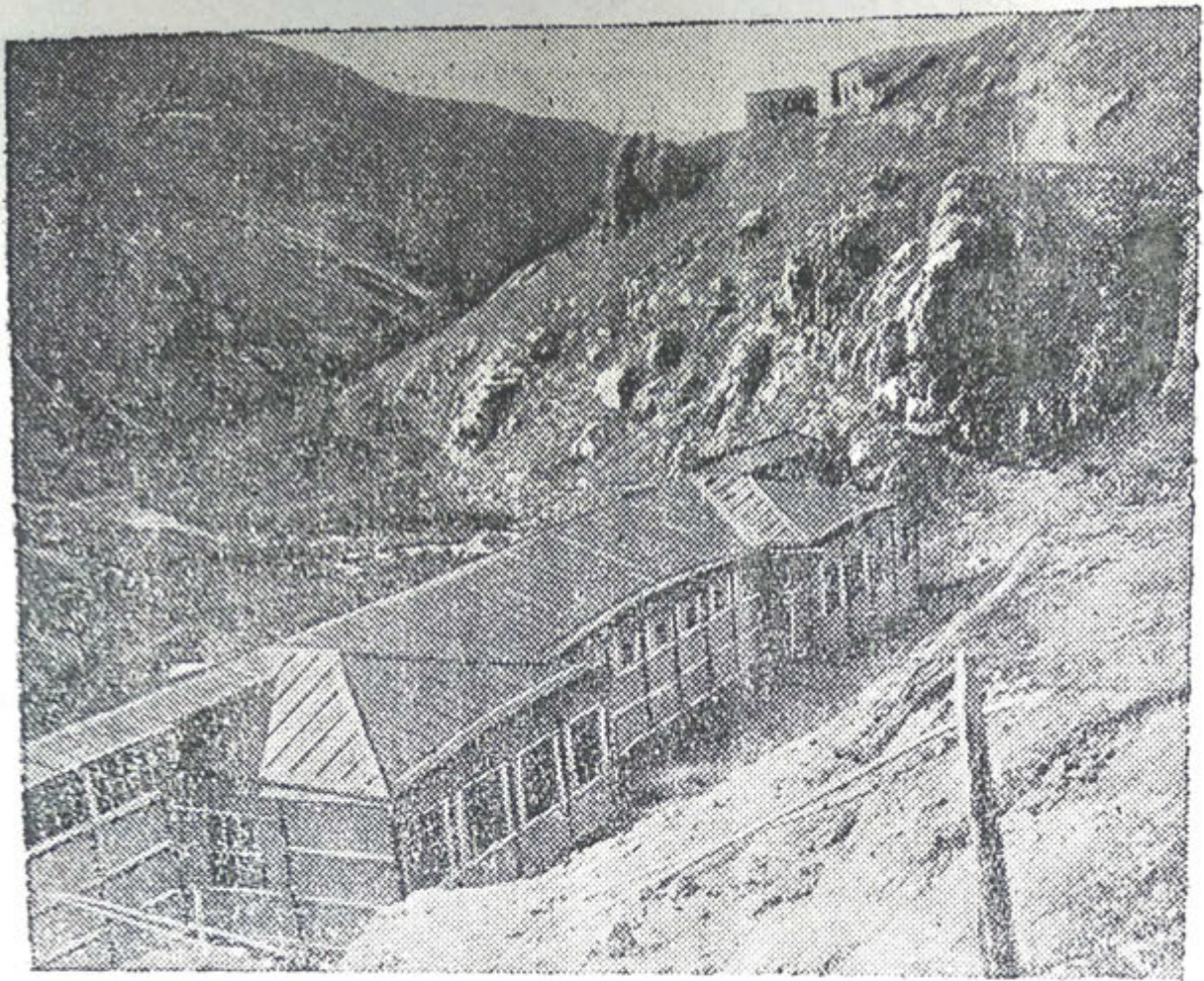
В деле осуществления этой большой задачи может и должен оказать серьезную помощь бакинский пролетарий.

Последнего мы встречали в самых глухих уголках бывшего Курдистанского уезда и Нахкрая на разнообразных работах по социалистическому переустройству деревни. И это входит в прямую обязанность бакинского пролетариата, как одна из больших задач, поставленных перед социалистическим Баку в отношении азербайджанской деревни.

„Социалистический город—говорил в своей исторической речи на конференции аграрников-марксистов т. Сталин—должен вести за собой мелкокрестьянскую деревню, насаждая в деревне колхозы и совхозы и преобразовывая деревню на социалистический лад“.

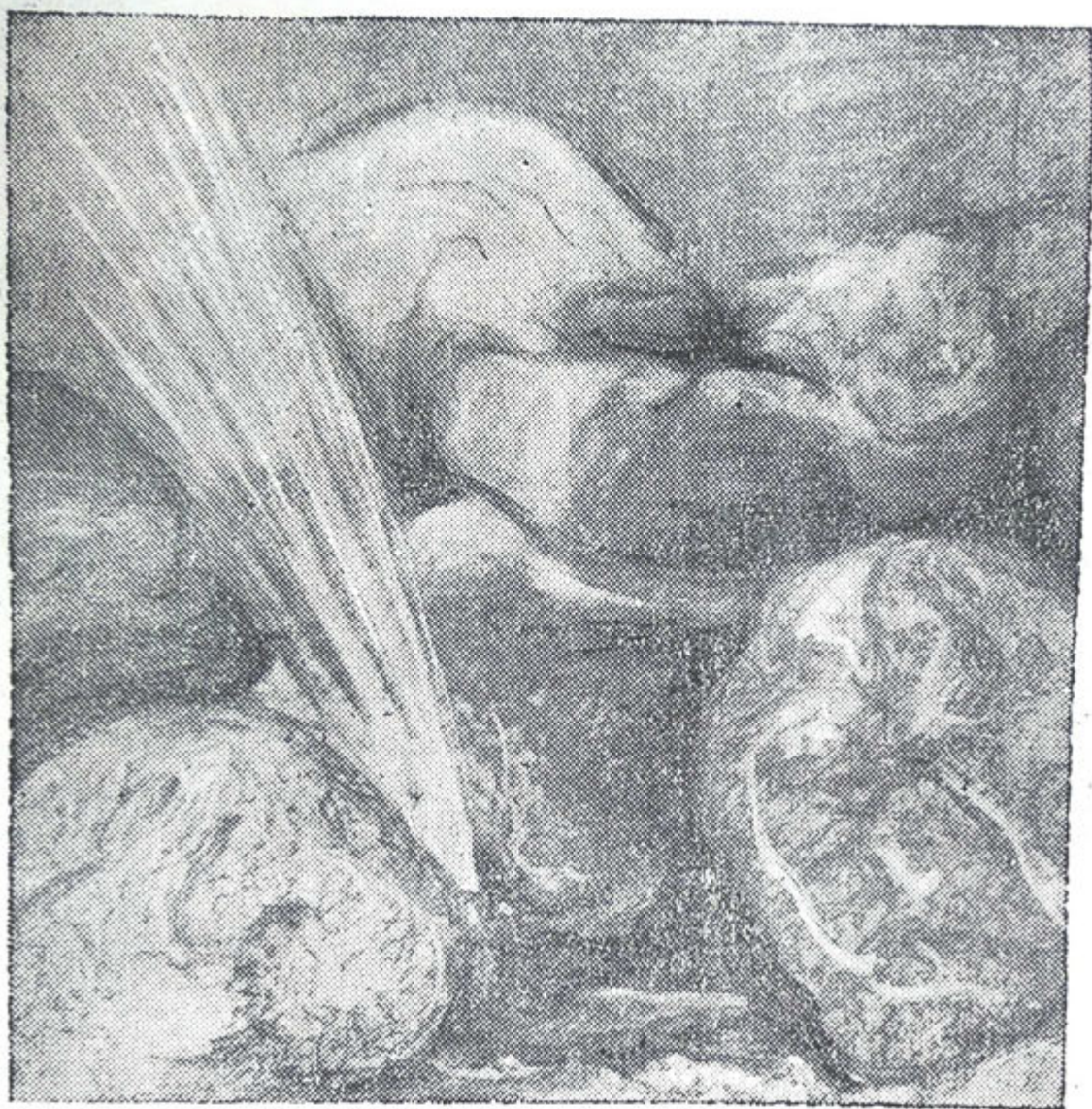
Развитие колхозного и совхозного строительства на базе растущей техники, ликвидация бездорожья, поднятие естественно-производительных сил этих районов¹—условия, которые обеспечат победоносное осуществление сплошной коллективизации районов и на этой основе ликвидацию кулачества, как класса, обеспечат полное устранение противоположности между городом и все еще сильно отсталой азербайджанской деревней.

¹ Районы бывшего Курдистанского уезда (в особенности Лачинский и Кельбаджарский) изобилуют ценными естественными ископаемыми: уголь, селитра, пемза, азбест, инфузорная земля, пирит и др., обладают богатыми ресурсами „белого угля“ (река Тертер и др. горные быстротекущие реки) и целебными минеральными источниками, (в частности, источником Исти-Су, вокруг которого развернулся небольшой курорт под тем же названием, не уступает по своим целебным свойствам известной Карлсбадской воде). Однако, вопрос использования естественных богатств района, также как и всех возможностей курорта Исти-Су для трудящихся Азербайджана, Закавказья и всего Союза, упирается в необходимость быстрой ликвидации бездорожья и организации транспорта.

Курорт ИСТИ-СУ

Все это возлагает большую ответственность на местные партийные и советские организации, диктует необходимость преодоления теории самотека, против которой, как теории гнилой и антиленинской, категорически предупреждал в той же речи вождь партии. Однако, эта теория все еще отражается в практике работы этих организаций. Только этим можно объяснить, что отдельные отсталые слои бедняцких и середняцких групп крестьянства подчас шли на поводу у кулачества, являвшегося во многих случаях ее организатором. Партийные и советские организации полностью не охватили своим влиянием основных масс курдского крестьянства, до сих пор не изолировали их от влияния на них кулачества, все еще не развернули среди них необходимой общественно-политической работы, вскрывая и разоблачая формы и методы борьбы кулаков против советской власти. А это является следствием того, что до последнего времени вплотную не занимались вопросами, связанными с работой среди курдов, или обращались к этим вопросам от случая к случаю.

Гейзер у курорта Исти-Су

Национальный состав

Наглядней всего это обнаруживается в отношении определения количества курдов, населяющих так называемый азербайджанский Курдистан.

В этом вопросе до последнего времени господствует путаница и неосведомленность большие, чем в каком бы то ни было другом вопросе, связанном с курдами советского Азербайджана. А на этой почве были ошибки в прошлом, не исключены и в будущем, если не будет в этом отношении ясности и определенной четкости.

Несомненно, статистика до сих пор является наиболее слабым нашим участком, не так давно использованным по-

своему правыми оппортунистами для наступления на генеральную линию партии в вопросе о кулаке. Демографическая статистика в Закавказье, особенно в части, касающейся данных о национальных меньшинствах, населяющих республики Закавказья, все еще хромает. Ее сведения отрывочны, случайны и противоречивы. Все эти отрицательные стороны нашли свое полное и законченное отражение в статистических материалах, относящихся к курдам Азербайджана.

На этом останавливался в своих статьях неоднократно цитированный нами В. Гурко-Кряжин. Эта часть его работы представляет известный интерес, хотя в своих выводах, к тому же не всегда правильных, автор не смог дать более или менее достоверных цифр о численности курдов Азербайджана, в первую очередь населяющих так называемый Курдистан, выделенный в 1923 году в особую административную единицу и существовавший под этим названием до 1929 года.

Прежде всего, мы считаем необходимым коснуться этого наименования, опираясь на те весьма скудные сведения, которые нам удалось получить в наших бедных и к тому же скверно поставленных архивах (мы имеем в виду раньше всего Центрархив при АзЦИК'е).

Как это видно из просмотренных нами разрозненных материалов, относящихся к районированию Азербайджана в 1923 году (все дело районирования, несмотря на все наши попытки, не удалось разыскать), вопрос о выделении Курдистана был предметом неоднократных суждений как в АзЦИК'е и комиссии по районированию, так и в партийных организациях. Была выделена со стороны ЦК АКП(б) специальная комиссия по определению границ и формы административного управления Нагорного Карабаха и Курдистана. Если в комиссиях не было никакого сомнения в необходимости выделения Нагорного Карабаха в автономную область, то нельзя этого сказать о Курдистане. Вопрос о Курдистане обсуждался в течение ряда месяцев, а в отношении Кубатлинского уезда, который впоследствии составил пятую часть Курдистана, был вынесен ряд решений президиума АзЦИК'а. При этом вопрос о Кубатлинском уезде несколько раз перешелся. В течение ноября и декабря месяцев 1922 года состоялось три постановления Президиума АзЦИК'а (от 21/X

22 г. § 4, 20/XI-22 г. § 2, 30/XII-22 г. § 4) о Кубатлинском уезде, из которых первым предусматривалась ликвидация его, а последующими двумя решениями вопрос временно оставался открытым.

13 января 1923 года вопрос снова обсуждается в Президиуме АзЦИК'а, и снова в связи с предполагающейся организацией Курдистана Кубатлинский уезд временно оставляется самостоятельным (§ 1 проток. Президиума АзЦИК'а.¹ Вплоть до лета 1923 года вопрос о выделении Курдистана выдвигается на заседаниях Центральной Разграничительной Комиссии АзЦИК'а. Наконец, в июле 1923 года он делается предметом обсуждения упомянутой нами специальной Комиссии.

Мы располагаем двумя протоколами этой Комиссии предоставленными нам партийным архивом Института истории партии им. Степана Шаумяна при ЦК АКП(б).

В первом заседании комиссии вопрос о Курдистане ставился в плоскости определения формы его управления и административного деления. В нашем распоряжении не имеется застенографированных прений по этому вопросу. Однако, текст постановления не оставляет никаких сомнений в том, что по вопросу о Курдистане у членов Комиссии были расхождения принципиального характера, что называется, по существу, не допускавшие немедленного его разрешения.

В протоколе заседания Комиссии это нашло соответственное отражение в следующем постановлении:

„§ 4. Поступило два предложения: 1) Курдистан выделить в особую административную единицу на правах уезда, непосредственно подчиненного центру, в составе Джеванширского, Шушинского и Кубатлинского Курдистанов (мотивировка): отдаленность Курдистана от центра Баку, прерванность и отдаленность Курдистана от низменного Карабаха и достаточное население, около 60 тысяч человек. Необращение особого внимания центра и неудовлетворение повседневных (повидимому, пропущено слово нужд А. Б.) до настоящего времени, ввиду также подчиненности отдельным

¹ Азерб. Центр. Гос. Архив при АзЦИК'е. Дело № 7 Управл. Землеустр. НКЗема за 1923 год, лист № 25.

уездам Карабаха, 2) Курдистан оставить в виде района, подчиненного низменному Карабаху.

При этом голоса разбились, вопрос остался открытым¹. Мы считаем результат голосования не случайным. Формулировка сторонников выделения Курдистана не отличалась большой убедительностью. Как это видим из постановления, приведенные ими доводы ограничивались территориальными соображениями, при чем и в этом случае мотивы за могут быть легко отнесены к мотивам против.

„Прерванность“ и крайне тяжелая связь между районами, которые должны были войти в так называемый Курдистан, диктовали необходимость сохранения административной самостоятельности этих районов, и это обстоятельство прямо противоречило предложению об объединении естественно разделенных горами и трудно проходимыми дорогами упомянутых в постановлении уездов. В территориальном отношении предполагаемое объединение имело бы совершенно искусственный характер и не отвечало бы вполне правильному принципу, положенному в основу работ комиссии, как и в основу предложения сторонников выделения Курдистана. Последнее, как это вытекает из формулировки первого предложения, заключалось в стремлении установить более тесную и непосредственную связь с центром Азербайджанской Социалистической Советской Республики, с пролетарским Баку.

Мы намеренно ограничили себя пока географическими и природными условиями района, ибо, как нами уже указано, иных аргументов за выделение Курдистана приведено не было; по крайней мере, они не нашли отражения в формулировке первого предложения.

В следующем заседании той же Комиссии, состоявшемся 7 июля 1923 г., дело, на наш взгляд, принимает совершенно неожиданный характер.

Вот что зафиксировано в выписке из этого второго протокола:

¹ Мы привели это постановление с сохранением его стиля, текстуально.

Слушали:	Постановили:
2. О Курдистане.	2. Образовать Автономный Курдистан, центр и границы которого определить при установлении границ Автономного Нагорного Карабаха.

Истории дальнейшего развития этого вопроса нам не удалось проследить. Однако, известно, что приведенное постановление, должно быть, вследствие неутверждения вышестоящими организациями, не было реализовано немедленно. Но все же, приблизительно в этот период, Курдистан был выделен в самостоятельную административную единицу, в уезд, в территориальных границах, предусмотренных первым проектом, о котором было нами упомянуто выше.

Уже в августе 1923 года председателем Курдистанского уездного Исполкома был назначен покойный тов. Гуси Гаджиев. В архиве сохранились записи переговоров последнего по прямому проводу с Совнаркомом АССР по целому ряду вопросов, связанных с первыми мероприятиями по организации созданного Курдистанского уезда. В просторечии его называли Курдистаном.

Известно, что основные массы курдов находятся за нашим рубежом и сосредоточены, главным образом, в Персии, Турции и современном Ираке. До сих пор ни в одном из этих районов они не организовывали и не создавали единого и самостоятельного государственного объединения по причинам, объяснение которых выходит далеко за пределы нашей работы. Тем не менее, в исторической литературе, в записках путешественников, мы находим упоминание о громадной по своим территориальным размерам области, именуемой обычно Курдистаном. Последний занимает непрерывную горную полосу, начинающуюся в Ираке и тянущуюся в пределах Турции и Персии, охватывая пространство, примерно, в 125 т. кв. миль¹. До выделения Месопотамии из

¹ E. B. Soane—To Mesopotamia and Kurdistan in disguise, II edition, 1926, London, стр. 42.

Турции в зависимый от Англии „самостоятельный“ Ирак, значительные массы курдов проживали в пределах турецкой государственности. Впрочем, и сейчас в последней их большинство. Из трех миллионов курдов, насчитываемых во всех районах их расселения, включая в эту относительную и чрезвычайно приблизительную цифру и курдов, населяющих наше Закавказье, курдское население в Турции, считая в круглых цифрах, определяется в 1^{1/2} миллиона¹.

Потеря иракских курдов была в известной степени компенсирована прибавлением к народонаселению Турции курдов, проживающих в Карской области, части Батумской области и Сурмалинского уезда, переданных Турции согласно договора РСФСР с Турецкой Республикой 16 марта 1921 г.

Старая Турция владела значительной частью территории северного Курдистана и вилайетами Диарбекирским, Эрзерумским и частью Багдадского, ныне входящего в Ирак. Однако, Курдистаном, в тесном смысле этого географического значения, оставался Диарбекирский вилайет с центром Диарбекиром и Битлис, который считается исторической колыбелью курдов.

В Персии, которая включает меньшую, восточную часть Курдистана с населением, исчисляемым от 500 до 750 тыс., этим центром является Керманшах. Разбросанный на территории ряда государств, где курды по своей численности составляют нацменьшинство, Курдистан, как прежде, так и сейчас, представляет понятие чрезвычайно условное, обозначающее район, область, населенную курдами, и в этом значении может быть рассматриваемо с точки зрения исторической и этнографической²). К тому же это понятие не представляет исторически сложившейся устойчивости: оно изменялось в связи с территориальным распространением или ограничением курдского населения. При Сельджуках (11, 12, 13 века нашей эры) Курдистаном обозначалась территория, лежащая между Азербайджаном и Луристаном, при чем эту область относили к восточному Курдистану, тогда как к западному Курдистану относили высоты Арман

¹ В. Аболтин.—Национальный состав Турецкой Республики, журнал „Новый Восток“ № 1(7), 1925 г.

² См. об этом в Enzyklopaedie des Islam „Lieferung“ 36. 1928 г. стр. 1237 и далее.

Дижезира. В эпоху монголов (13—14 в. в.) Курдистан упоминается в связи с горными районами Хакари, Бохтани Антитавра в Армении на западе, и в связи с областью Дертима, которая в официальных актах наименовалась Курдистанским вилайетом (Вилайети-Курдистан). Ко времени Тимура (конец 13 и начало 14 века) об эмире Битлисе говорили, как о самом известном человеке во всем Курдистане,¹ связывая этим самым наибольшую значимость Битлисского района во всем Курдистане той эпохи. Можно было бы продолжить исторические справки, но и приведенного достаточно для иллюстрации нашего положения о крайней условности понятия Курдистан.

Как известно, курды живут в Закавказьи, в частности и у нас в Азербайджане. Однако, насколько нам удалось выяснить, район расселения курдов ни в Закавказье, ни в Азербайджане до 1923 г. не назывался Курдистаном. И это понятно: ни в одном из этих районов курды, вопреки тому, что имелось и имеется за рубежом, не составляли компактного большинства. Мы не станем далее останавливаться на этом вопросе. Ограничимся указанием, что в состав населения и угнетенных народов бывшей царской России курды вошли в связи с кровавым завоеванием Кавказа, начиная с побед Цицианова 1804—5 г. и далее в результате Гюлистанского договора с Персией в 1813 г., Туркманчайского договора 1828 г. и войны в 1877—1878 г.² В соответствии с этими захватами, Россия приобрела Карабахское ханство, т. е. территорию б. Елизаветопольской губернии, Эриванскую область и, наконец, Карс и Ардаган. Во всех этих районах среди прочего населения находились и курды, главным образом, кочевники. Между прочим, зафиксированы случаи массового переселения и миграции курдов в этот период как из России, из пределов завоеванных территорий, так и в Россию из Персии. Об этом свидетельствуют некоторые факты, приведенные в военно-исторической хронике, каковой является книга Аверьянова.

Приведем один из них:

¹ Там же.

² См. об этом у Аверьянова „Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия, Тифлис, 1910 г., а также в брошюре В. Ф. Минорского „Курды“ Заметки и впечатления. Петроград. 1915.

„Этим новым русско-подданным (речь идет о курдах Карабахского ханства, фактически оккупированного Россией в 1805 г.), видимо, не вполне нравились новые для них порядки, почему бывали случаи выселения их в пределы Эриванского ханства; так, напр.: в 1810 г., около 140 семейств бежали из Карабаха к эриванским курдам, опасаясь, что „русские не защищают их от персиан, а берут только подати; действительно, постоянные вторжения в Карабахское ханство персидских войск крайне разоряли местное население, в том числе и курдов“¹.

Не нужно особых комментариев к тому, чтобы отбросить своеобразную интерпретацию причин бегства курдов, данную в последних словах капитана генерального штаба Аверьянова. Автор несколькими строками выше, несмотря на всю скромность допущенных им выражений, сам себя опровергает, чуть-чуть приоткрывая завесу над подлинной картиной хозяйничания царского штыка в завоеванных самодержавной Россией областях.

Вместе с тем, как далее повествует Аверьянов, „бывали, однако, случаи переселения курдов из Персии и в наши владения; так, например, в конце 1807 г. Карадагский Мамед-Сефи-Султан, имевший около 500—600 курдских семейств, испросил разрешения переселиться со своими курдами на жительство в Карабахское ханство“.

Понятно, что курды, убежавшие от грабежа и насилия персидского владычества, оказывались в положении людей, попадающих „из огня да в полымя“. Все же эти переселения из Персии в пределы России происходили довольно часто в течение первых десятилетий завоевания Кавказа. В этом переселении играли не последнюю роль Карабахские эйлаги, перешедшие от Персии к России, куда курды кочевали со своим скотом в течение лета. Однако, точку зрения В. Гурко-Кряжина относительно того, что заселение курдами территории б. Елизаветпольской губернии необходимо приурочить лишь к началу 19 века, притом в прямой связи с русскими завоеваниями, мы находим недостаточно обоснованной и очень спорной.

Несомненно одно, что курды-кочевники заходили в

¹ Аверьянов, стр. 24.

эти районы, а некоторые племена жили здесь более или менее постоянно задолго до русского завоевания. На этот счет мы находим упоминание в основном источнике по истории курдов, в Шереф-Наме или летописи курдского народа, относящейся к концу 16 века. Автор летописи Шереф-еддин-хан, влиятельнейший Курдистанский правитель Битлиса, играл крупную роль в борьбе между персидской монархией Сефевидов и Турцией. Ему именно в значительной степени была обязана своими победами Турция в своих войнах с Персией в конце 16 века.

В этом историческом памятнике встречаются указания о пребывании курдских племен в районе Карабаха задолго до русского завоевания, еще в эпоху войн Шаха-Аббаса. Например, в связи с турецким военным походом Ферхада-паши имеется следующая запись.

„В этом самом году (1587—88 г.) сердар Ферхад-паша выступил с намерением вернуть Гянджу и Берду. После покорения этой области, он изгнал небольшой народец Каджар, двадцать четыре (или двадцать четыре курдских племени „igüigmu deürte“) в тексте *ایگرمی دورت* и туркоманов¹. Далее рассказывается относительно похода того же Ферхад-паши в Карабах. Комментатор в связи с общим контекстом летописи и опираясь на другие источники, отмечает, что „двадцать четыре курдских племени, известных под тюркским названием *ایگرمی دورت* или двадцать четыре были прикреплены ко времени Шереф-ед-дина к Карабаху, ныне независимому от русской империи“².

Как это явствует из текста, эти племена относятся к наименее известным курдским племенам и, по правильному замечанию комментатора, входят в группу небольших курдских народцев, перечисление которых заняло, бы по его мнению, много места.

1) „Cheref-nâmeh ou fastes de la nation kourde par Cheref-ou'ddine Prinse de Bitlis, dans l'Irâlet d'Arzeroûme“. (Я пользовался переводом Шереф-Каме, сделанным и комментированным François Bernard на франц. языке, изд. в Петербурге в 1873 г. Академией наук). Это упоминание мы находим в I-ой части II-го тома, что, согласно примечанию, соответствует 292 стр. II-го тома персидского текста, подлинника.

2 У того же автора, том I, I-ая часть, стр. 39.

Мы не находим у Шереф-ед-дина сведений о численности курдов по этим районам в современную ему эпоху. Но несомненно, как это вытекает из отдельных упоминаний в тексте летописи, что курды были здесь задолго до русского завоевания. Они представляли ничтожное меньшинство среди некурдского населения, состоявшего, на наш взгляд, преимущественно из тюрок. Курдские племена, как мы видели, носили даже тюркское название *ایگرمی دورت*. Нам думается, что курды переселились сюда группами из курдских районов Персии и Турции для защиты пограничных областей, или укрепления завоеванных и отдаленных районов. Такие случаи были неоднократно в истории курдов. О них мы имеем упоминание в исторических работах о Персии, в частности у Сайкса, в связи с изложением им эпохи Шаха Аббаса¹. Однако, точно приурочить момент заселения, так называемых елисаветпольских курдов к царствованию последнего, как это делает, например, Чурсин²), у нас нет достаточных оснований. В нашем распоряжении нет достаточных данных и относительно количества курдов в эпоху русского завоевания, так же как и нет более или менее правдоподобных сведений о дальнейшем движении курдского населения. Попытка В. Гурко-Кряжина, сделанная им в неоднократно цитированной нами его статье, также не увенчалась положительными результатами.

Дело в том, что отдаленность современных азербайджанских курдов б. Елисаветпольской губернии от пограничных районов способствовала тому, что царское правительство, рассматривавшее курдов исключительно как военную силу для использования ее в борьбе с соседями, не выделяло елисаветпольских курдов от остального так называемого мусульманского населения.

Вот что писал по этому поводу Аверьянов: „Курды Елисаветпольск. г. являются совершенно изолированными от остальных русских курдов, т. к. их отделяет от курдов Эриван-

¹ P. M. Sykes. A. history of Persia т. II, стр. 258. Аналогичные упоминания мы находим у П. Г. Буткова—материалы для новой истории Кавказа, с 1722 г. по 1803 год, СПб 1869 г. Издание Имп. Академ. Наук, например, том I-й, стр. 217.

² Г. Чурсин. „Известия Кавказского историко-археологического института“, том III, отд. оттиск „Азербайджанские курды“, Тифлис, 1925 г.

ской губернии труднодоступная и почти бездорожная горная полоса шириной от 130 до 150 верст. Такая же удаленность этих курдов от вероятных операционных направлений наших при войне с Турцией—лишает их политического значения (курсив наш А. Б.); не будут они иметь такого значения и при войне нашей с Персией, т. к. расселенные в самой глухой ее части Елисаветпольской губ. (т. е. часть) в военном отношении, при войне нашей с Персией, не играет почти никакой роли¹.

Нечего и говорить, что это обстоятельство было решающим в том отношении, что азербайджанским курдам, даже в определении их численности, не уделялось никакого внимания.

Именно в связи с этим амплитуда колебания между приведенными у отдельных авторов и источников данными о количестве курдов, находившихся в районе современного Азербайджана, поражает своим размахом.

Аверьянов определяет количество курдов, проживавших к концу 19 века в Елисаветпольской губ., в 35—40 тысяч². Примерно, в этих же цифрах (34, 161) их исчисляет полк. Карцев³, основываясь, как он это сам отмечает на данных Закавказского Статистического Комитета.

Д-р А. М. Дирр в своем описании антропологического и этнографического состава кавказских народов насчитывает 52 тыс. курдов, проживавших в некоторых уездах Елисаветпольской губ. Эти данные относятся к 1910 г. времени составления и опубликования этого описания в Кавказском календаре⁴. Однако, в том же „Кавказском календаре“, за тот же 1910 год приведены совершенно иные цифры о численности курдов, говорящих на родном языке.

Выборки из приведенной там же таблицы „Распределение населения Кавказа по родному языку, согласно переписи 1897 года (Изд. Центр. Стат. Комитета 1905 г.)“ дают следующую картину о численности курдов:

¹ Аверьянов. Цитирован. работа, стр. 325.

² Там же, стр. 324.

³ „Заметки о курдах“. Записки Кавк. От. И. Р. Геогр. Общ., стр. 364.

⁴ „Кавказский календарь“, за 1910 г., стр. 545.

По Бак. губ.		Дагест.	Елисаветп. губ.	Карск. обл.	Кутаисская губ.	Терск. обл.	Тифл. губ.	Черном. г.	Эрив. губ.
М.	6	11	1663	22632	935	13	1400	22	26239
Ж.	2	11	1379	20336	889	6	1138		23150
Всего . 8		22	3042	42968	1824	19	2538	22	49389

Таким образом, по переписи 1897 г. из общего количества 99832 курдов, населявших Кавказ и говоривших на родном языке, число таких курдов по Елизаветпольской губернии выразилось в 3042 чел. В этом случае мы привели данные о курдах в языковом разрезе.

В „Кавказском календаре“ за 1917 г. приведены материалы о пространстве и населении Кавказского края к 1-му января 1916 г., основанные на данных уездной администрации. Составленная нами общая сводка курдского населения представляется в следующем виде.

	Магометан	Езидов
по Бакинской губ.	501	191
по Елизаветпольской губ.	3.802	—
по Батумской обл.	552	—
по Карской обл.	49.752	17.698
по Тифлисской губ.	5.932	4.697
по Эриванкой губ.	36.508	12.624
Всего	97.047	35.210

Здесь мы имеем данные о курдах в религиозном разрезе, до сих пор почему-то практикуемом для показа отличия эриванских курдов (по религии езидов) от остальных курдов, в своем громадном большинстве относимых по религиозному признаку к магометанам, или, как иначе говорят, к мусульманам. Заметим, кстати, что, к сожалению, такое религиозное подразделение курдов Закавказья было положено в основу разработки переписи Закавказья, произведенной в 1926 году.

Приведенные нами выборочные данные с достаточной ясностью указывают на путаницу, которая существовала в вопросе определения численности курдов в Азербайджане, в прошлом, до советизации.

Понятно, что это обстоятельство не могло не отразиться и на данных позднейшего периода, на статистике после советизации Азербайджана. Нам думается, что сторонники упомянутого проекта выделения Курдистана в автономную область относили все население района, или, по крайней мере, преобладающее большинство к курдам. Трудно предположить, чтобы, при шаткости других доводов в пользу выделения Курдистана, защитники данного проекта не воспользовались этим единственно серьезным остававшимся в их руках аргументом. Но, как увидим, и этот довод был построен не на более твердом фундаменте.

Совершенно неверное мнение о том, что население бывшего Курдистанского уезда состоит преимущественно из курдов установилось настолько прочно, что оно господствовало до последних дней. Отметим, как курьез, что, по ориентировочным материалам Госплана АССР, полученным экспедицией накануне своего выезда, количество курдов по Лачинскому району определялось в 99,2%, по Кельбаджарскому району в 99,5%; число тюрков по обоим районам определялось в 180 (!) человек: 108 чел. по Лачинскому и 72 человека по Кельбаджарскому району.

В итогах переписи, проведенной в 1926 г., мы находим ту же тенденцию. Согласно этой переписи и дополнительным сведениям, особо собранным о родном языке населения инспектором Наркомпроса тов. Ильясовым, число курдов по 5 дайра тогдашнего Курдистана распределялось следующим образом:

					говорящих на родном языке	— 1758
в Кельбаджарском	"	"	"	11993	"	1438
в Курдхаджинском	"	"	"	8173	"	691
в Мурадханлинском	"	"	"	6159	"	429
в Котурлинском	"	"	"	5885	"	955

Число курдов в Кубатлинском дайра и по языку и по народности, по переписи 1926 года, определялось не более 200 человек.

Общее число курдов Азербайджанского, Курдистанского уезда, по переписи 1926 года, определялось в 37.182 человека, что составляет 72,2% всего населения; но из них говорящих на курдском языке 3123.

Наша экспедиция руководствовалась в этом вопросе языковым признаком, одновременно выясняя этнический состав и национальную принадлежность, к которой относит себя большинство населения обследованных районов бывшего Курдистанского уезда.

В результате работы мы получили возможность составить следующие таблицы, характеризующие число курдов, говорящих на курдском языке по этим районам.

По Лачинскому району:

Наименов. с./сов.	Наименов. села	Число жителей	Говорят по-курдски	Название основн. курдск. родов
Абдаляр с/сов. Минкенд с/сов.	Зерти Минкенд	239 1355 (из них тюр. 594)	239 761	Фато, Алаверды Шахсуварлы, Тарул- лу (Шахвердияр), Мамеллы
Бозлу	Бозлу Камаллы Калача Черахлы	350 405 69 191	350 405 69 191	Шерафлы, Кравлы Шерафлы
Агджакенд . .	Агджакенд	231	231	Лезги, Мири, Кю- чери
Каракешишск. с/сов. . .	Каракешиш Аг-Булах Шейланлы	475 290	475 290	Сафи Кули, Агали оглы (Исмаилляр, Гараллар, Набеляр Асадляр, Худеляр). Исаханлар, Мамед- лиллар, Шафиклар, Чичеклар.
	Катос бина Чай бина	30 20	30 20	

Из 193 населенных пунктов нынешнего Лачинского района 10 сел курдских, жители которых в количестве 3322 человек говорят на курдском языке и называют себя, безусловно, курдами. В центральном, наиболее крупном селении Лачинского района, в селении Минкенд, часть населения состоит из тюрков, беженцев из Сисиана, прибывших сюда в 1919 году, во время мусаватско-дашнакского националистического разгула. Вследствие этого мы относим Минкенд к смешанным в национальном отношении селениям.

В Лачинском районе нами были обследованы, кроме упомянутых, еще 2 села: Кары-Каха и Мирик; их относили до последнего времени к курдским селам.

В селе Кары-Каха, находящемся на пути между селением Абдаляр и сел. Зерти, из 280 чел. населения мы обнаружили только пятерых, едва помнящих курдский язык, двух стариков и трех старух. Все население тюрки и говорят только на тюркском языке.

В селе Мирик мы нашли, примерно, такую же картину. Число жителей села Мирик равно 374 человекам, входящим в 7 родов. Говорит все население на тюркском языке. Как сообщали нам на небольшом сходе, некоторые старики села Мирик помнят курдский язык, притом очень плохо. Помнящие курдский язык численно распределяются по родам следующим образом: 1) по роду Опюрлю—7 чел., 2) Дамоляр—2, 3) Калиляр—3, 4) Рутуклу—3, 5) Карахаляр—5, 6) Ахмедли—1, 7) Иманлы—10, всего—31 человек, из них: 20 пожилых женщин, 11 человек—глубокие старики. Абсолютное большинство населения тюрки.

Таково положение в Лачинском районе.

Переходим к Кельбаджарскому району. Здесь курды сосредоточены в следующих селениях:

Наименов. с/сов.	Название села	Число жителей	Говорят по- курдски	Название основн. курдск. родов
Чирахский с/с.	Шуртан	315	315	Нагылы, Гютды Гусейн Кулиляр, Колиляр, Кулюкю
	Союх-Булах	189	189	
Зарский с/с.	Зайлик	581	581	
Агджакенд. с/с.	Агджакенд.	440	440	Нежикли, Али Рзали Мирикли, Кечерели
	Оруджлу	294	294	Караханлар, Гусейн- лар, Маиллар, Меша- диллар
	Халанлы	256	256	Эллязлар, Шукюр- лар.

Достоинно внимания положение в селении Татлар, Кештакского сельсовета. Число жителей селения Татлар выражается в 225 человек, из них 53 причисляют себя к единому роду Шаналы, подразделяемому на 2 подрода: Джафарлы (13 ч.) и собственно Татлар (40 ч.), помнят курдский язык; по возрасту говорящим старше 40 лет.

Несколько особое положение занимает селение Черакенд, Кельбаджарского района. В селении Черакенд насчитывается 6 родов: 1) Шавыли, 2) Казахлы, 3) Фатикли, 4) Халафлы, 5) Чоруллу и 6) Томусту. Путем бесед с жителями этого селения на общем собрании крестьян Черакского сельсовета нам удалось выяснить, что только Чоруллу является курдским родом, прибывшим сюда из селения Мирик, Лачинского района. 20 человек из этого рода помнят курдский язык, тогда как входящие в другие роды курдского языка совершенно не знают и являются тюрками. По всей видимости, такие переселения не единичны и имели место в прошлом. Переселения происходили, главным образом, из Лачинского района. Селение Опюрлю, Зарского района, не случайно, нам кажется, носит название род, остатки которого, как нами отмечено в таблице, и сейчас представлены в сел. Мирик. В селении Шуртан та же картина. Нам передавали, что часть шуртанских курдов более 100 лет назад переселилась сюда из селения Мирик. Жители селения Союх-Булах также называют себя выходцами из этого же селения Мирик. В последнем и теперь сохранились остатки рода Калиляр в количестве двух-трех человек. Курды селения Агджакенд, Кельбаджарского района, заявляли, что они пришли сюда из селения того же названия Лачинского района. Эти примеры можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно для установления того факта, что центром курдского населения бывшего Курдистана являлся и является Лачинский район, который, вопреки точки зрения, высказанной В. Гурко-Кряжиным, более пригоден для земледелия, обладает лучшими и более удобными для передвижения скота пастбищами (район Люльпер).

Именно отсюда, по нашему мнению, и шло передвижение курдов на север, при чем эти переселения в отдельных случаях носили массовый характер. Можно предположить, что непомерная эксплуатация, ограниченность или полное:

отсутствие земельных наделов в связи с национальным гнетом выталкивали преимущественно курдскую бедноту.

Оставались зажиточные и кулаки, составлявшие в процентном отношении ничтожное количество. Нынешнее социальное и имущественное положение курдов, оставшихся в этих селениях (например: в селении Мирик), говорит в пользу нашего предположения. На освобожденных местах поселялись турки. Понятно, что при этих условиях оставшиеся здесь в абсолютном меньшинстве курды забывали свой родной язык; однако, они помнят его в той или иной степени.

Такова картина, например, в селении Мирик. Мы видели, что часть курдов, живущих в современном Кельбаджарском районе, являются выходцами из селения Мирик, Лачинского района. Последнее уже давно является турецким и только по памяти далекого прошлого его причисляют к курдским селам.

Курды, двигавшиеся на северо-запад и оседавшие там, в большинстве случаев, компактными группами, сохранили свой родной язык до настоящих дней. Приведенные нами выше факты служат лучшей в этом смысле иллюстрацией.

Лингвистические данные, собранные нашей экспедицией, подтверждают наше предположение. Как выяснили и языковеды, участники экспедиции, язык курдов, живущих в Лачинском районе, сохранился сравнительно чище, чем язык курдов Кельбаджарского района. В частности, в языке курдов Лачинского района слова сохранились в фонетическом и лексическом отношении в более чистом виде, чем это имеет место в языке курдов Кельбаджарского района.

Общее количество курдов, сохранивших свой язык, проживающих в 7 основных курдских селениях Кельбаджарского района, согласно нами собранных и проверенных материалов, выражается в 2065 человек. Напомним, что, по этим же материалам, число курдов в Лачинском районе равно 3322 чел. Считаем вполне уместным тут же отметить, что эти данные в известной степени приближаются к данным последней переписи, произведенной Наркомпросом весной 1931 года, в связи с введением всеобщего обязательного начального обучения. Так, по материалам этой переписи, к

которым мы, по понятным причинам, имели основание относиться так же критически, как ко всем другим сведениям о численности курдов, в частности к смехотворным цифрам Госплана, значится обоего пола наличного населения курдов:

По Лачинскому району . . . м.—1471, ж.—1341, всего 2812
„ Кельбаджарскому району „ 857, „ 762, „ 1619

Во всяком случае, разрыв между определяемым нами численным выражением курдского населения и учтенным переписью 1931 года сравнительно не велик. К тому же необходимо принять во внимание неопытность статистиков и проведение переписи без достаточной для того предварительной подготовки, а также и неполная точность наших данных. Таким образом, курды современного Лачинского и Кельбаджарского районов, составляющих значительную часть бывшего Курдистанского уезда, представляют нацменьшинство среди основного тюркского населения. Мы пытались показать, что это положение может быть распространено и на прошлое, по крайней мере, до 16 века включительно.

Курды-нацмены

Этим вопросом мы были намерены закончить нашу статью. Мы его отнесли к заключительной части нашей работы не в силу меньшей его важности, а именно в виду его наибольшей значимости в комплексе вопросов, поставленных перед нашей экспедицией.

Мы отнесли этот вопрос на конец по принципу, находящему выражение в английской поговорке „last but not least“—последний по счету, но не по значению.

И в Кельбаджарском, и в Лачинском районах курды, сохранившие свой родной язык, живут преимущественно компактными группами, в курдских селах. Окружающим населением являются турки, в общении с которыми курды говорят на тюркском языке, этом втором языке у курдов Азербайджана.

Это может быть отнесено и к Нахкраю, хотя в последнем мы имеем несколько иное положение.

Так называемые зиланские курды, сосредоточенные в настоящее время в Нах. ССР, до апрельской революции 1920 года в Азербайджане не проживали компактной массой. Мусаватско-дашнакская кровавая эпопея 1919 года, непрекращавшаяся война и разгул дашнакских банд во главе с генералом Дро заставили курдов бежать из пределов края в Турцию и Персию.

По установлении и укреплении власти Советов, курды начали возвращаться. В 1926 году они сплошной массой вернулись из-за Арарата и стали заполнять, главным образом, район станции Араздаян.

Общее число курдов, проживающих в Нахкрае, определяется последней переписью Наркомпроса в 3180 человек. Абсолютное большинство из них, как мы уже указали, сосредоточено в Шарурско-Сталинском (бывш. Норашенском) районе и живет массивом в районе станции Араздаян на землях и отселках, прежде относившихся к селению Садарак.

По данным районного сельсовета, ко времени экспедиции общая численность этих курдов выражается в 2884 чел. (1531 мужчина и 1353 женщины).

Кроме того, курды расселены и по другим селам этого же района, при чем по национальному составу большая часть сел является смешанной со значительным преобладанием тюркского населения; только незначительная часть сел (например, село Дера-кенд) населена исключительно курдами (в сел. Дера-кенд из 283 человек лишь 3 тюрка).

Как выяснили члены экспедиции-лингвисты, курды, живущие в Нахкрае, также являются двуязычными и говорят на чисто курдском языке с очень ничтожным влиянием тюркского языка; при этом результаты обследования показали, что курдский язык нахкрайских курдов вполне совпадает с языком курдов, живущих в Армении. Больше того, он сохранился еще в большей чистоте, чем у последних. Не то у курдов Лачинского и Кельбаджарского районов. Здесь, влияние азербайджанского тюркского языка настолько сильно, что оно распространено на фонетику, на морфологию, на лексику и даже на акцент курдского языка. Однако, и в Нахкрае, в том числе и Шарурско-Сталинском

районе, курды являются национальным меньшинством среди остальной основной массы тюркского населения.

Несмотря на происходившие в течение сотен лет процессы ассимиляции с тюрками, составлявшими громадное большинство населения Лачинского и Кельбаджарского районов, курды, живя преимущественно компактными группами, концентрированными и вкрапленными гнездами, сохраняли в большей или меньшей мере свой язык и свою исторически сложившуюся обособленность. Этому в известной степени содействовало то обстоятельство, что вплоть до советизации Азербайджана курды представляли собой угнетенно-национальное меньшинство.

Царское правительство, а впоследствии и правительство мусавата рассматривали курдов с точки зрения возможности использования их как пушечное мясо в борьбе с соседями.

Политика мусавата по отношению к курдам была продолжением системы национального угнетения, практиковавшейся российским царизмом к национальностям, населявшим огромную тюрьму для народов, какой являлась царская Россия.

Однако, в течение кратковременного господства мусавата экономический и политический гнет ощущался курдами значительно сильнее, чем в самые мрачные годы векового владычества самодержавия. Мы уже приводили мнение Аверьянова об елисаветпольских курдах. Последними царские власти интересовались в очень малой мере, не выделяя их из числа прочих „инородцев“—мусульман. В этом смысле до известной степени и по своему прав тот же Аверьянов, когда с грустью отмечал: „Вообще большая часть курдов Елисаветпольской губернии почти не испытывает на себе влияния русской власти, имеет о ней весьма смутное представление, как о чем-то отдаленном и до них не касающемся, и весьма безразлично относится к вопросу—под чьей властью они находятся; этому же способствует и поголовная безграмотность их“. ¹

Ликвидацией неграмотности среди курдов царское правительство не собиралось заниматься, а „безразличное“

отношение к себе елисаветпольских курдов воспринималось им¹, как должное, избавлявшее, по крайней мере, правительство, от забот по постоянному усмирению одного из угнетенных народов. Мусаватское правительство пыталось разрешить курдский вопрос в духе общей царистской политики по отношению к курдам, но которую, по указанным нами причинам, царская власть не считала целесообразным применять к так называемым елисаветпольским курдам. Для царизма эта игра не стоила свеч. Не то для мусаватистов. Мусаватское правительство, вместе со своим агентом—крупным феодалом и Карабахским генерал-губернатором Хосров-беком Султановым, решило, прежде всего, привлечь курдов к несению военной службы, поставив перед собой задачу использования курдских отрядов для осуществления своей „национальной политики“.

Вот, что мы находим по этому поводу у А. Стеклова, в его исследовании об армии мусавата: „В качестве заслона со стороны Армении от посягательства на Карабах армянских дашнаков, военное министерство выработывает проект создания „азербайджанских казаков“ из курдского населения Карабаха, которое, по утвержденному положению об отбывании воинской повинности курдским населением, должно отбывать последнюю в курдских частях, расположенных в Зангезурском уезде. Согласно положения, курдское население в мирное время должно было выставить Курдский стрелковый батальон 4-х ротного состава и Курдский конный дивизион 2-х сотенного состава, включенные: первый—в 1 пехотную дивизию и второй—в конную дивизию. В военное время курдские части, согласно положения, могли быть посылаемы и за пределы Карабаха. Срок службы в данных частях устанавливался 2-х годичный. Призываемый в армию курд должен был явиться в часть в своем

¹ Это, впрочем, не совсем точно. В полном соответствии с общей политикой царского самодержавия, опиравшегося (как и сейчас английский, французский и др. империализм в колониях и полуколониях) на курдские феодальные слои для эксплуатации большинства курдского народа, В. Ф. Минорский в 1915 году писал, что „для знатных родов (курдов Карской и Эриванской губ.), изнывающих от постепенной и естественной утраты влияния, желателен доступ к более высокому образованию“. (Упомянутая работа, стр. 43).

исправном обмундировании, вооружении и снаряжении, а назначаемые в конницу—сверх этого, с годным для службы конем и конским снаряжением, при чем за годность всего этого должна была отвечать та община, от которой поставлялся стрелок или всадник, и за ее же счет должна была производиться замена всего того, что признавалось негодным приемной комиссией. Содержание в исправности обмундирования и снаряжения, в том числе и конского, должно было производиться за счет ремонтных денег, отпускаемых каждому стрелку и всаднику. Ремонт оружия, довольствие аскеров и лошадей производились за счет казны. Для подготовки офицерского состава в курдские части при военном училище было организовано курдское отделение на 20 человек юнкеров. Начав свою организацию после постановления комитета государственной обороны в конце октября 1919 г., курдские части не закончили своего оформления до самой советизации Азербайджана. Это „оказывание“ курдов, вдохновителем которого являлся Карабахский генерал-губернатор, крупный помещик Хосров бек-Султанов, державший в экономической кабале курдское крестьянство, вызвало острое недовольство последнего, так как на курдское население накладывался новый вид налога, ложившегося тяжелым бременем на курдское крестьянство, платившее и без того непомерные налоги“.¹

Однако, мы были бы несправедливы по отношению к мусавату, если бы ограничились упоминанием только одного этого мероприятия в отношении азербайджанских курдов. В полном соответствии со своей „национальной политикой“ вся мусаватская система была направлена к полному подавлению курдского народа. Национальный гнет, испытываемый курдами в период царского самодержавия, значительно усилился. Ибо господствующий класс тюркских феодалов, во главе с Султановым, сосредоточил в своих руках всю силу государственной власти, опиравшейся сначала на турецкие, а потом на английские штыки. Господствующий помещичий класс владел государственным аппаратом.

¹ А. Стеклов. Армия мусаватск. Азерб., Баку, АЗГИЗ, 1928 г. стр. 40.

Мы уже касались беков Султановых, действовавших со своими бандами преимущественно в Лачинском и Кубатлинском районах. Однако, господство Султановых распространялось на весь Курдистан. В Кельбаджарском районе владычествовали родственники Султановых, Котурлинские беки, насилие которых над местными населенными, особенно над курдами, является неслыханным в летописях феодальных бесчинств. Они и до мусавата эксплуатировали население. Однако, приход к власти „своего“ национально помещичье-буржуазного правительства и укрепление их положения, благодаря родству с Султановыми, развязало им окончательно руки.

Организуемая в ближайших к своему поместью (не-что вроде замка Котурлу, теперь полуразрушенного) деревнях отряды из преданных себе людей, Котурлинские беки делали набеги на окрестные села, как на тюркские, так и, особенно, курдские; последние были более беззащитны. Терекеме (кочевников) они трогали редко, ибо терекеме были хорошо вооружены. Когда их отряд появлялся в селе, все население, исключая отдельных случаев, когда население оказывало им, и иногда не без успеха, вооруженное сопротивление,—разбегалось. Кого из мужчин они успевали захватить, отправляли под конвоем в свое поместье для работы. Нечего и говорить, что эта работа не оплачивалась, если не считать ударов по спине казацких плетей, которыми подстегивались нерадивые. Плененные на работу должны были сами себя кормить.

Захваты крестьянского скота, вторжение в дома, грабежи имущества вплоть до вытаскивания из колодцев хлеба—были обычными в период мусаватского господства явлениями. Наглость взбесившихся помещиков не знала пределов. Нам рассказывали, что во время одного из бесчисленных набегов на курдское селение, беки, как обычно практиковалось, произвели, с целью устрашения, много выстрелов по сельчанам.

После этой предварительной „рекогносцировки“, Котурлинские потребовали от сельчан оплатить им стоимость истраченных патронов. Отказ крестьян был достаточным поводом для захвата имущества и поголовного грабежа.

Сопротивляющихся и способных организовать массовое сопротивление зверски убивали. Создавались условия, благоприятствующие росту кровной мести. За одного убитого бека уничтожались целые семьи. Кровникам их приходилось бросать родные края и уходить. Кровавые трофеи беков Султановых над безоружным населением в Лачинском и Кубатлинском районах вдохновляли мусаватских бандитов из Котурлы к бесчинствам и зверствам, потворствуемым и прямо покровительствуемым центральным мусаватским правительством.

В связи с этим усилились гонения на курдов, издевательства над курдским языком, над курдской национальностью. Курд становится посмешищем и предметом шуток для помещиков-мусаватистов, которые иногда передавали свои настроения небольшой и наиболее отсталой части населения. Именно к этому периоду учащаются клятвы отдельных курдских селений бросить курдский язык, бывший объектом иронии, анекдотов и насмешливых прозвищ (вроде кьг-вьг, или кьга-вьга). Нами установлен ряд случаев, когда курды давали клятву бросить свой родной язык (село Камаллы, Лачинского района).

Происходило это тем чаще, чем сильнее был гнет помещиков-феодалов.

Это обстоятельство, на наш взгляд, конечно, усиливало процессы ассимиляции курдов, но одновременно и укрепляло замкнутость курдов и задерживало рост классовой дифференциации среди них, о чем мы говорили раньше. Узаконялось положение, в силу которого тюркский язык, как господствующий, становился „открытым“ языком (açik dil) не только в том смысле, что он понятен всему населению, но и потому, как нам думается, что на своем родном курдском языке можно было говорить в своем кругу, как на непонятном, как на недоступном „закрытом“ языке для большинства окружающего населения.

Однако, процесс ассимиляции происходил в связи с рядом других условий. В этом отношении наибольшее влияние оказывало то обстоятельство, что курды, как нацменьшинство, к тому же оторванное от других курдских племен того же Закавказья, в частности Нахкрайских и Эриванских курдов, находились в окружении огромного большинства

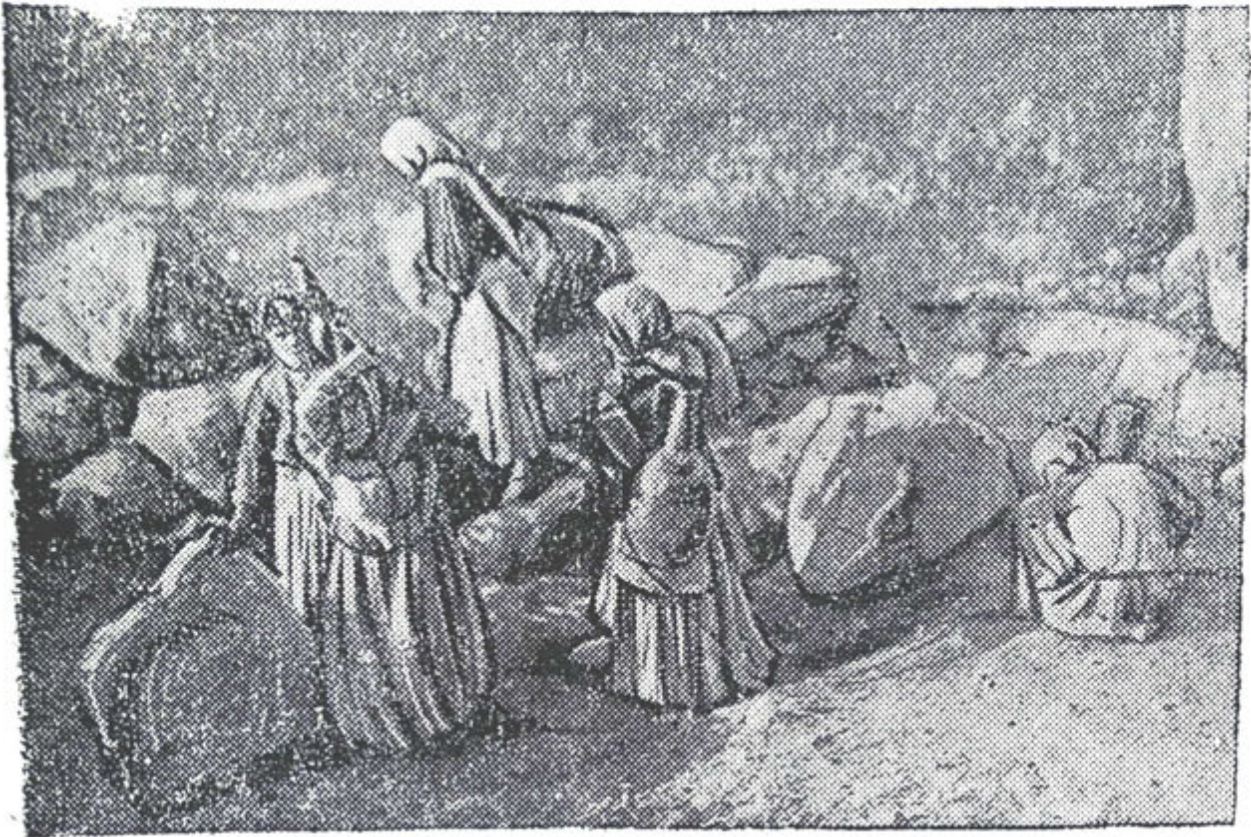
тюркского населения. Почти во всех селениях нам пришлось встречать смешанные браки курдов с тюрчанками.

Курдянка сел. Милли

Последние иногда усваивали (например: в селении Зерти) курдский язык, но в большинстве случаев продолжали говорить на тюркском языке. В беседах с нами курды, живущие в смешанных или тюркских селах, указывали на то, что браки с тюрчанками иногда приводят к тому, что они сами начинают забывать курдский язык, а дети не всегда его усваивают. Связь с кочевниками тюрками в течение лета и массовый уход курдов на низменность зимой в отхожий промысел, где говорят на тюркском языке, а также сосредоточение торговли в центрах районов в руках тюрков

и армян, оказывали решающее влияние на ускорение этих процессов, были основными причинами ассимиляции.

Женщины у источника

Однако, при всем этом необходимо подчеркнуть, что процесс ассимиляции курдов не зашел так далеко, как это вытекает из приведенных нами некоторых сравнительных статистических данных „материалов“ и как это хотелось бы мусаватастам.

Образование и выделение в 1923 году особого Курдистанского уезда, так называемого Азербайджанского Курдистана, безусловно благоприятствовало тому, что большинство жителей, состоящее, как это мы уже показали, из тюрок, стало называть себя курдами, связывая свою национальную принадлежность с именем территории, на которой они проживали.

В известной степени на эту массовую „курдизацию“ не могло не оказать влияние явно выраженное стремление со стороны тюркских и курдских кулацких и зажиточных слоев (отметим, что даже остатки тюркских феодалов не преминули этим воспользоваться) прикрыться курдской народностью для того, чтобы воспользоваться особыми льготами, установлен-

ными для трудящихся национальных меньшинств в нашем Союзе, в частности в Азербайджанской Социалистической Советской Республике.

Ошибки местных организаций при проведении национальной политики и недооценивание ими значения последней, когда вместо разрешения основных проблем национального строительства выдвигались на первый план „благотворительные“ мероприятия, еще больше запутывали этот и без того сложный вопрос.

Отрывки этой „политики“ не были ликвидированы до последнего времени.

Как характерный в этом отношении курьез отметим что во время работ экспедиции Лачинскими районными организациями было дано распоряжение выдавать мануфактуру говорящим на курдском языке. Нет сомнений, что число об'явивших себя говорящими на курдском языке в этот период значительно увеличилось: кривая движения курдского населения поднялась быстро вверх.

Разделение Курдистана на районы, произведенное в 1929 году, развертывание хозяйственного и культурного строительства и рост в связи с этим культурного уровня трудящихся выделенных районов привели к тому, что действительное количественное соотношение между курдским и тюркским населением, строящим в интернациональном и братском союзе свое социалистическое хозяйство, соотношение, базирующееся на языковом различии, нашло в последней переписи Наркомпроса более или менее приблизительно правильное выражение.

Наше обследование показало, что курды, живущие компактной массой, не разбросанные в одиночку по тюркским селам, не забыли и говорят на своем родном курдском языке. Гнусной ложью дышат слова одного из мусаватских идеологов М. Г. Велиева (Бахарлы), получившего в свое время трибуну для выступления в советской печати с мусаватской контр-революционной работой об Азербайджане относительно отмирания курдского языка. Впрочем не одного только курдского. Вот, что он писал об языке национальных меньшинств, населяющих Азербайджан: „Тюркский язык в настоящее время делает все большие и большие завоевания, вытесняя многие языки, отжившие,

свой век (наш курсив А. Б.), как-то: татский, талышский, лезгинский, курдский и т. д.¹

Мы вытаскиваем на свет это откровенное контрреволюционное признание, представляющее программу мусаватизма в национальном вопросе, не только потому, что и до сих пор такого рода утверждения являются лейт-мотивом мусаватских грязных инсинуаций и поклепов на ленинскую национальную политику советской власти, якобы рассчитанную на расчленение и разделение „единого тюркского азербайджанского общества“, непосредственной частью которого по крови и религии мусаватисты считают курдов².

Публикация в свое время такой контрреволюционной мусаватской контрабанды, до сих пор не разоблаченной свидетельствует о гнилом либерализме, распространенном среди части работников советских издательств и научно-исследовательских учреждений, благодаря которому один из мусаватских идеологов получил возможность протащить свою контр-революционную пропаганду.

Однако, мы подчеркиваем это мусаватское откровение, главным образом, потому, что оно совпадало с той шовинистической политикой в отношении к национальным меньшинствам, населяющим Азербайджан, которую до 1930 года проводили в жизнь отдельные руководители Наркомпроса.

Мусаватисты давали духовное оружие отдельным руководителям и руководящим работникам Наркомпроса Азербайджана в борьбе против ленинской национальной политики, за мусаватское разрешение вопросов в отношении к

¹ Экономист М. Г. Велиев (Бахарлы). Азербайджан. (Физико-географический, этнографический и экономический очерк). Изд-во Сов. Нар. Хоз., Баку, 1921 г., стр. 50.

² Об этом совершенно серьезно говорится в мусаватских журналах. (Например, „Одлу-юрт“, Стамбул, ноябрь 1930 год, № 22/10 и др.).

В свою очередь дашнаки в своих контрреволюционных целях не менее серьезно утверждают о родственной близости армян с курдами. Так, в обращении Египетского ЦК партии „Дашнакцутюн“ (февраль 1931 года), среди прочего хлама написано: „Курд—наш сосед, живет на одной с нами территории и родственен нам по крови“... Не для того ли эти мерзавцы привлекают эту „родственность“, чтобы, при ее помощи, обосновать свое монопольное право по крови и родству на эксплуатацию и обман курдской бедноты.

части нацмен, к национальной школе и разворачиванию культурного строительства на родном языке.

Курды, наряду с другими нацменами (лезгины, аварцы), не составили в этом вопросе исключения.

С особенной яркостью и наглядностью это обнаружилось на республиканском совещании национальных меньшинств, созванном, по инициативе и по предложению большевистского партийного руководства ЦК и БК АКП (б), Культпропом ЦК АКП (б) и Народным Комиссариатом по просвещению Азербайджана в июне 1931 г.

Как указывалось на этом совещании, еще в 1924 году некоторые работники Курдистана, правда, очень робко, по либеральному, выдвигали перед Наркомпросом вопрос о необходимости создания курдской школы на родном языке. Один из участников совещания, выступивший в прениях, т. Ильясов, бывший руководитель отдела народного образования в Курдистане, останавливаясь на истории вопроса принятия курдского алфавита Комитетом тогда еще нового тюркского алфавита, говорил:

„В свое время в Азербайджане тоже были предприняты кое-какие шаги в этом направлении. Первый курдистанский букварь нами был составлен в 1924 году и послан в Наркомпрос.

Но, к сожалению, алфавит, как и букварь, не нашел себе сочувствия (еще бы... А. Б.) и там же погиб. Вопрос был этим временно задержан...“¹.

Однако, тот же тов. Ильясов, в этом же выступлении, констатируя громадные успехи в деле развертывания культурного строительства в Курдистане, отмечал, что только по одному (из 3-х районов) Лачинскому району бывшего Курдистана: „Сейчас мы имеем более 100 школ I-й ступени 3 ШКМ, 3 семилетки, один сельхозтехникум с животноводческим уклоном, 12 изб-читален, 3 клуба и т. д.

„В средних учебных заведениях Азербайджана обучаются более 450 человек из курдской молодежи. Мы имеем курдов докторов, инженеров, окончивших промышленную академию, окончивших нефтяной институт и т. д. В 3-м

¹ Из стенографического отчета 3-го заседания республиканского совещания нацмен, 17-го июня 1931 года.

решающем году пятилетки мы думаем и уверены, что достигнем ликвидации неграмотности, если не на 100%, то, во всяком случае, на 80% всего курдского населения Азербайджана, мы охватим всеобщим начальным обучением.. По плану Наркомпроса мы, наряду с ремонтом старых школ, развернули постройку 14 школьных зданий (в 1931 г.) в Кельбаджарском районе 3, в Кубатлинском районе—4 и в Лачинском районе—7 и т. д.“.

Вместе с тем, с большевистской непримиримостью к своим ошибкам, необходимо признать, что, благодаря указанной нами гнилой политике отдельных руководителей старого (до 1930 года) Наркомпроса, мы до последнего года сделали в Азербайджане слишком недостаточно в деле развития курдского языка, школы, алфавита, письменности, в деле разворачивания всего культурного строительства на родном для курдов языке, в деле развития курдской культуры, интернациональной по содержанию и национальной по форме. В этом вопросе мы преступно запоздали.

Почти на всех партийных и комсомольских собраниях, а также на собраниях курдской и тюркской бедноты, колхозников и трудящегося крестьянства, которые нам пришлось проводить во время работ экспедиции, раздавались справедливые и резкие упреки по адресу политики Наркомпроса вплоть до 1930 года, не только проспавшего ряд лет, но и явившегося тормозом в своевременном создании школы и развертывании культуры для курдов на родном для них языке.

В этом смысле мы считаем чрезвычайно симптоматичным контр-революционное выступление бывшего профессора Азербайджанского Государственного университета Жуже, сделанное им в декабре 1930 года в связи с курдским вопросом, поставленным тогда в порядке обсуждения отделением Ближнего Востока Азербайджанского Государственного Научно-Исследовательского Института.

Мы не станем подробно излагать содержание этого выступления. Напомним, что на том же заседании ему был дан соответствующий отпор. Этому же выступлению нами была посвящена специальная статья¹.

¹ А. С. Букшпан. Против вылазок классового врага на научном фронте. Газ. „Бакинский Рабочий“ от 22 января 1931 г. № 19 (3396)

Однако, в другой связи, о чем будет далее речь, нам хотелось бы воскресить в памяти эту контр-революционную вылазку классового врага.

Как мы писали, суть выступления гр. Жузе заключалась в открытой апологии колониального режима и воспевании „цивилизаторской“ и „прогрессивной“ роли английского империализма, под игом которого стонут и бьются за свое освобождение миллионы колониальных и полуколониальных рабов.

Известно, что курды, значительная часть которых живет за рубежом—в Персии, Турции и Ираке, находятся на положении угнетенного национального меньшинства, изнывающего под гнетом как „своих“ феодалов и беков, так и под чужим игом.

Особенно тяжело живется курдам в Ираке, северо-восточная часть которого преимущественно населена ими. Английский империализм, создавший „независимое“ Иракское королевство, в состав которого впоследствии включил отторгнутый у Турции Моссул, осуществляет в стране обычный колониальный режим, вызывающий со стороны трудящейся курдской массы систематические восстания, которые подавляются британским империализмом с циничной жесткостью, при помощи английских танков и бомбовозов.

Касаясь положения этих иракских курдов и сравнивая таковые с положением курдов Азербайджана, гр. Жузе в определенных целях нагло лгал, заявляя: „В Ираке курдам предоставлена полная свобода, они преподают в низших и средних школах на курдском языке, и иракские курды служат центром притяжения турецких и персидских курдов. Курдского алфавита у нас нет, и будет ли он,—лгал Жузе,—это еще вопрос. Но для курдов в Ираке англичане делают много. При каждом министерстве имеются курды“ и т. д.

Нечего говорить, что выступление гр. Жузе было не чем иным, как выполнением социального заказа английского империализма в стране строящегося социализма, в стране, создавшей национальный мир и обеспечивающей доподлинный расцвет национальной культуры. Но наряду с гнусной ложью и клеветой, которой обливал гр. Жузе национальную политику советской власти, обнаглевший классовый враг говорил классовую правду, отмечая среди своей

гносной клеветы отсутствие в то время (декабрь 1930 г.) в Азербайджане курдской школы на родном языке.

Владимир Ильич Ленин учил нас прислушиваться к голосу классового врага. Вот что говорил Ильич в своем докладе о деятельности ЦК РКП (б) на 11 съезде партии по поводу известного заявления Устрялова:... „Я думаю, что этот Устрялов этим своим прямым заявлением приносит нам большую пользу. Нам очень много приходится слышать, мне особенно по должности, сладенького коммунистического вранья, „комвранья“, кажинный день и тошнехонько от этого бывает, иногда убийственно“... „Это очень полезно, потому что в этом мы видим уже не простой перепев того, что мы постоянно кругом себя слышим, а просто классовую правду классового врага“... И несколько далее, Владимир Ильич, анализируя заявление Устрялова, подчеркивал то обстоятельство, что „враг говорит классовую правду указывая на ту опасность, которая перед нами стоит“¹).

Бесконечное доверие и преданность делу Октябрьской революции и его детищу—советской власти, которую по заслугам питают все трудящиеся бывших угнетенных народов царских колоний, в том числе основные массы курдского крестьянства²), способствовали тому, что курды, населяющие районы бывшего Курдистанского уезда Азербайджана, рассматривали исключительное распространение тюркского языка во всех областях их общественной жизни (собрания, суд, делопроизводство и т. д.), в том числе и обучение в школе на тюркском языке до 1931 года, как нечто должное, могущее благоприятствовать их культурному росту.

Это обстоятельство усиливало больше чем когда бы то ни было опасность денационализации, опасность ассимиляции, сущность которой, прежде всего, заключалась бы в том, что она надолго затормозила бы материальное и духовное развитие курдского народа, слагающегося в совет-

¹ Ленин, том 18, 2-я часть старого издания, стр. 38 и 39.

² Чрезвычайно показателен тот факт, что в Кельбаджарских событиях 1930 года бандитам не удалось привлечь на свою сторону курдские села.

Курдская беднота Нахкрая, по отзыву местных организаций, не раз помогала последним в борьбе с остатками бандитизма.

ских условиях в нацию, она задержала бы выявление всех тех колоссальных возможностей, которые таятся в недрах трудовых масс каждого народа, в том числе и курдов, что она задержала бы рост бурных темпов социалистического строительства, применительно к особенностям быта, культуры и экономического состояния курдских трудящихся, что она лишила бы часть курдов возможности приобщиться к социалистическому строительству.

Опасность заключалась в нарушении основного ленинского принципа мировой пролетарской революции, согласно которому „главное в большевизме и в русской Октябрьской революции—втягивание в политику именно тех, кто был более угнетен при капитализме“.

Курдская проблема в Азербайджане

Последний год является решающим и поворотным в деле усиленного развертывания культурной работы на родном языке среди национальных меньшинств, населяющих Азербайджан. Особенно это касается курдов Азербайджана.

Азербайджанское республиканское совещание нацмен в июне 1931 г. выработало целый ряд мероприятий по работе среди курдов, значительная часть которых выполнена. Первые группы школ I-й ступени, так же, как и ликпункты, уже переведены на родной язык с расчетом на то, чтобы полный переход на родной язык был завершен в 1933/34 учебном году.

Для подготовки учителей-курдов в течение летних месяцев 1931 г. функционировали при Шушинском педтехникуме подготовительные курсы. Открывается постоянное курдское отделение при Шушинском педтехникуме. Принят латинский алфавит на унифицированной основе, общий для курдов Закавказья. Изданы три учебника на курдском языке и т. д. Подтягиваются и местные организации. В целях наибольшего приближения советского аппарата к трудящимся курдам в Нахкрае и в некоторых районах (Лачин) принято и уже частично осуществляется решение о переводе в курдских селах всей работы в советах, кооперации и проведении собраний на партийных и комсомольских ячейках на курдском языке и т. д. Допущенные наркомпросом в прошлом (до 1930 г.) отдельные искривления ленинской национальной политики решительно исправляются. В борьбе с великодержавным шовинизмом, как главной опасностью, и местным национализмом, играющим на руку интервенционистам, коммунистическая партия Азербайджана, под большевистским руководством ЦК и БК АКП (б), добилась решительного перелома и в работе среди курдов.

Мусаватские борзописцы злобно констатировали в эмигрантской прессе за 1931 г. (журнал „Бильдириш“, ноябрь): „Для курдов, численностью не более 6—10 тысяч человек, не знающих никакого языка, помимо тюркского (и здесь не могли не соврать. А. Б.) были созданы язык, отдельный шрифт, школа, культура и т. д.“.

Мусаватисты не ошиблись. И если еще не все в этом отношении сделано, то во всяком случае стоит в порядке очередной и неотложной работы.

Наряду с этим в Нахкрае *намечены пути по переводу курдов на оседлость, подготавливаются условия для коллективизации, которые, понятно, связаны с большой предварительной работой.* Ассигнованы средства для постройки в районе Араздаян курдского образцового поселка с общественными скотными дворами, врачебными пунктами, школами, яслями и другими социально-культурными учреждениями и т. д. Несомненно, что темпы работы все еще не развернуты по—большевистски.

Партийные и советские организации районов бывшего Курдистанского уезда (Лачинский, Кельбаджарский, Кубатлинский) и, особенно, Нахичеванск. ССР, должны значительно усилить начатую работу среди курдов, учитывая особенности классовой борьбы, которая протекает здесь в условиях сильно выраженных родовых, бытовых и религиозных пережитков в курдских массах (аксакальство, кровавая месть, сеидство по Нахкраю, культ пиров и т. д.).

На этот счет имеется прямое указание ленинского ЦК ВКП (б) в его решении от 23 июня 1929 года о состоянии Азербайджанской партийной организации. Вот что говорится в этом решении: „Несмотря еще на сильные позиции кулачества, использующего бытовые и религиозные пережитки в массах, борьба с ними на практике до сих пор крайне слаба.“

Вопросам расслоения и кабальных отношений (раджбарство) и, в связи с этим, задачам защиты интересов бедноты не уделено необходимого внимания, несмотря на всю остроту его в многонациональном районе“.

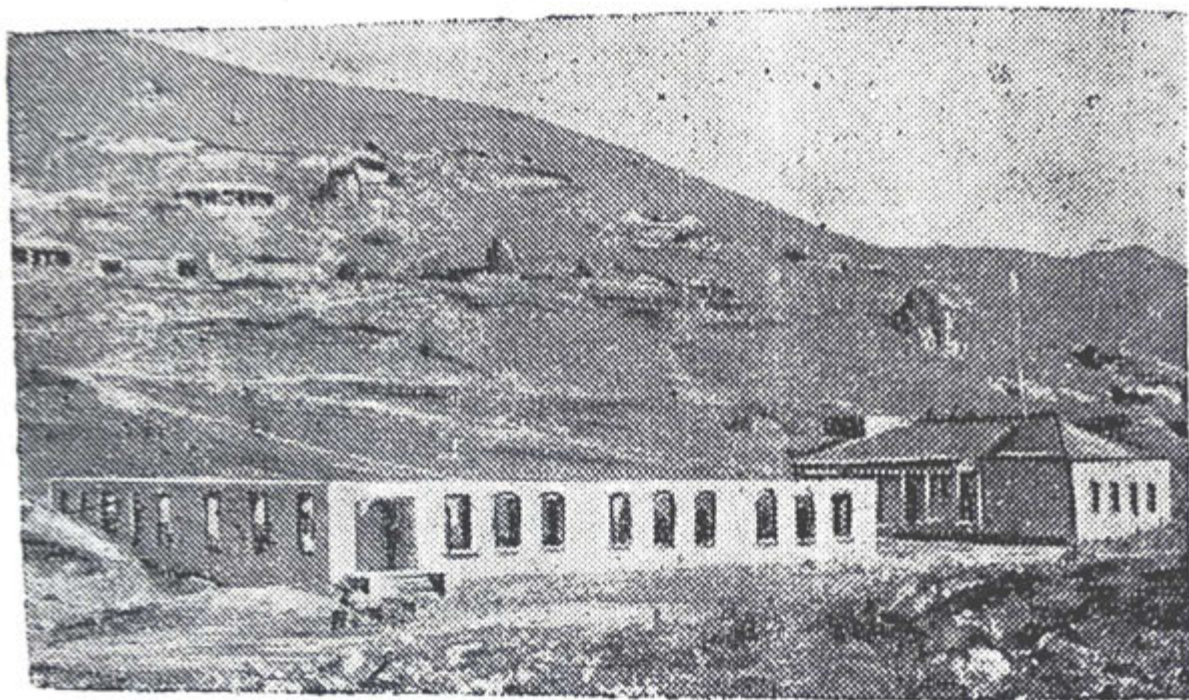
Это указание ЦК ВКП (б) в значительной степени сохраняет свою актуальность и по сегодняшний день в районах расселения курдов, и оно должно быть положено упомянутыми организациями в основу своей работы.

Одновременно с разработкой естественных богатств и поднятием производительных сил этих районов, усилением дорожного строительства, организационно-хозяйственным укреплением имеющихся колхозов в первую очередь и дальнейшим развертыванием новых колхозов, местные органы должны создать и обеспечить партийным влиянием организации курдской бедноты, привлечение в ряды партии и комсомола активистов из этой бедноты, колхозников, ударников, развернуть интернациональное воспитание трудящихся масс в этих районах и почти отсутствовавшую до последнего времени работу среди женщин и т. д. Постановление ЦК ВКП (б) от 31 октября 1931 г., по докладам Закрайкома ВКП (б) и нацкомпартий Закавказья, дает развернутую программу действий по всем основным разделам социалистического строительства в Закавказьи, в частности — в области работы среди нацменьшинств и ликвидации культурно-бытовой отсталости нацреспублик.

На путях ленинской национальной политики курдская „проблема“ в Азербайджане разрешается. Правда, мы остаемся все еще позади далеко ушедшей от нас вперед Армении.

Огромная работа, проделанная советской Арменией в деле создания курдского закавказского педтехникума, издания ряда учебников и брошюр, газеты „Риа-таза“ на курдском языке, организации курдского партийного и общественного актива, работа по подготовке курдских кадров из трудящихся и т. д. представляют собой опыт, имеющий величайшее значение не только для курдов Закавказья, но и для находящихся за рубежом. За десять лет существования Закавказской Федерации Советских республик курды Азербайджана, Армении и всего Закавказья при братской поддержке ЗСФСР и всего интернационального Союза Советских Социалистических Республик, достигнув значительных успехов в хозяйственном и культурном отношении, перестраивают на социалистических началах все свое хозяйство

и быт. Трудящиеся курды Закавказья, под руководством коммунистической партии, ввели, впервые в истории курдского народа, свой алфавит в латинской транскрипции, печатают книги, создают школы и техникумы на родном языке, готовят свои трудовые кадры, ликвидируют неграмотность, строят в интернациональном союзе с другими народами Закавказья колхозы, выбрасывают вместе со старым тысячелетним „хышем“ последние остатки патриархально-феодальной эксплуатации, ведут борьбу со „своими“ и „чужими“ кулаками.

Строющаяся школа в сел. Минкенд

Понятно, мы не собираемся успокоиться на достигнутом и ограничиться сделанным.

Тов. Сталин говорил на XVI партийном съезде, что „надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявить все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт—в этом именно и состоит

диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре¹.

Один из троцкистов, „теоретик“ уклона в сторону великодержавного шовинизма Ваганян, отрицающий, как известно, революционный характер национальной культуры в период диктатуры пролетариата, снизойдя к курдам, которых он представляет себе на подобие черкесов в изображении чиновников старого царского самодержавия, в свое время писал: „если бы ничего иного курды не могли внести, кроме своих воинственных песен, боевых мотивов, если бы они больше ничего не смогли внести, кроме своих бесконечно живописных танцев, то и это было бы прекрасным вкладом в международный пролетарский интернациональный склад идей“².

Выступая против политики партии в деле развития национальной по форме, социалистической по содержанию культуры—Ваганяны ограничивают вопросы культуры в период диктатуры пролетариата внешними ее проявлениями, выхолащивая ее революционную сущность.

Ваганян не понимает, что „период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР—есть расцвет национальных культур“ что это расцвет, составляя содержание и сущность культурной революции, как части развернутого социалистического строительства, обеспечивает возможность прежде отсталым и угнетенным народам полностью приобщиться к социалистическому строительству, стать доподлинными борцами за это строительство, что в процессе обостренной классовой борьбы происходит складывание этих „неисторических“ народов в нации на базе некапиталистического пути развития, что в силу этого, в сокровищницу международной пролетарской интернациональной культуры, „когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт“—курды внесут значительно больше, чем это снисходительно обещает и предсказывает Ваганян.

Наша единственно-правильная политика в нацвопросе пробуждает величайшие симпатии отсталых народов СССР

¹ И. Сталин, Политотчет ЦК, стр. 76.

² В. Ваганян. „О национальной культуре“ ГИЗ, 1927 г., стр. 187.

и широких трудящихся масс всего мира к ВКП (б), которая осуществляет эту политику, и к III Коммунистическому Интернационалу, этому мировому революционному штабу пролетариата всех стран и угнетенных народов всего мира.

Этого не могут не признать даже наши классовые враги из II Интернационала. Чрезвычайно показательным в этом отношении обсуждение курдского вопроса на Пленуме Исполкома II Интернационала, происходившем в Цюрихе 20—25 августа 1930 г. по докладу А. Джамальяна, делегата партии „Дашнакцутюн“. Известно, что последняя уже несколько лет выступает перед II Интернационалом в роли посредника и „защитника“ курдов по полномочию партии курдских шейхов и феодалов „Хойбун“, организовавшейся осенью 1927 года¹.

Вот что, например, заявлял в прениях представитель английского социал-империализма Броквей. „Курдский вопрос, который сегодня поставлен перед нами, и доклады, которые делались об этом, лишней раз показывают, насколько наш Интернационал не может не обращать внимания на движения восточных народов. Несколько раз я указывал по различным поводам на это. Я указывал также, в каком сравнительно с нами, благоприятном положении находится в этом отношении III Интернационал. Я также, подобно многим вам, того мнения, что III Интернационал, занимаясь судьбой малых народов, пребывающих под игом империализма, не всегда руководствуется их интересами. Однако, он пользуется большим обаянием среди этих народов, хотя бы потому, что так или иначе откликается на их нужды“ (подчеркнуто нами А. Б.).

Что касается „своих“ особых интересов III Интернационала, которыми, якобы, руководствуется последний, то опыт национального строительства в СССР и растущие симпатии колониальных и полуколониальных народов к стране строящегося социализма, этого единственного отечества международного пролетариата и угнетенных народов мира,

¹ По этому вопросу в журнале „Большевик Закавказья“ № 2, за 1931 г. (стр. 37—42) опубликована статья тов. Якопова „Курдский вопрос и дашнаки“. К ней мы отсылаем интересующихся.

все большее и большее сплочение широких масс колониальных рабочих и крестьянства под знаменем революции, под знаменем Коминтерна—показывают, каковы доподлинно эти интересы, какова ценность таких выпадов.

Классовый враг не может не солгать даже тогда, когда он говорит правду.

Однако, более откровенного признания и лучшей похвалы III Интернационалу и национальной политике ВКП (б) со стороны агента международной империалистической буржуазии в среде рабочего класса едва ли можно было ожидать.

Жалкими и беспомощными оказались все выступления участников этой сессии, также как и беспомощна была принятая резолюция по курдскому вопросу.

В ответ на события, происходившие тогда в турецком Курдистане, пленум, устами матерого представителя международного соц.-фашизма Реноделя (Франция), вынужден был констатировать свое бессилие. Вот что заявлял Ренодель:

...„Я не могу пройти молча мимо одного выражения де-Брюкера (председествовавшего на этом пленуме А.Б.) которое относится к Лиге Наций. По его словам, мы не можем пригласить Лигу Наций к вмешательству в курдский вопрос, так как, во-первых, нет государства, которое мы могли бы обязать поставить перед Лигой Наций курдский вопрос; но если бы мы даже нашли подобное государство, Лига Наций не смогла бы обязать Турцию выполнить свое решение, так как Турция не входит в Лигу Наций.

„Что же, значит, получается? То, что учреждение, представляющее около пятидесяти государств, которое имеет многочисленные статьи и решения о защите угнетенных народов, не в состоянии заставить государство, не входящее в Лигу Наций, прекратить резню маленького народа, находящегося под его властью“.

Де-Брюкер (репликой с места). К несчастью, такова действительность. Ренодель (продолжает). „Не отрицаю действительности, но и не могу примириться с нею. Поэтому предлагаю, чтобы наша комиссия, назначенная для изменения программы Лиги Наций, в процессе своих работ, имела бы в виду и это трагическое положение, которое дискре-

дитирует Лигу Наций в глазах всех мыслящих и чувствующих людей“¹

Ничего иного II Интернационал не мог принять, ибо он давно уже является филиалом Лиги Наций, филиалом международного империализма, ибо международная контрреволюционная социал-демократия давно уже „является пропагандистом империалистической Лиги Наций, глашатаем капитала и организующей силой в борьбе против диктатуры пролетариата в СССР (Каутский, Гильфердинг)“².

В это же время, с ведома и благословения II Интернационала, английский империализм занят подготовкой интервенции в страну Советов, причем одним из плацдармов этой интервенции для захвата Закавказья и отторжения его от СССР, должен явиться давно проектируемый, но в последнее время с особенной остротой выдвигаемый английским генеральным штабом „независимый Курдистан“ под протекторатом Англии.

Мы подчеркиваем давно потому, что некоторые исследователи (в частности В. Гурко-Кряжин) по простоте душевной предполагают, что идея „независимого Курдистана“ выдвинулась только в результате мировой войны. Верно то, что в Севрский договор 10 августа 1920 г. были включены специальные статьи (§§ 62, 63 и особенно 64) о создании автономного Курдистана, так же, как и то, что, благодаря успешной национально-освободительной борьбе Турции и ликвидации, на основе этого, грабительского Севрского договора, мирный договор, принятый 16 июля 1923 г. в Лозанне, не упоминает совершенно о курдах. Однако, еще задолго до мировой войны, эта идея господствовала и выдвигалась в противовес друг другу в русских и английских империалистических кругах, с одной стороны, а позже в борьбе с Германией, начавшей строить Багдадскую железную дорогу и стремительно проникать на Ближний Восток, с другой.

¹ Выступления Реноделя также, как и Броквея даны, согласно материалам, опубликованным в дашнакской прессе. „Дрошак“, ноябрь и декабрь 1930 г.

² Из программы Коммунистического Интернационала. ГИЗ, 1928 г. стр. 23.

На этот счет мы имеем совершенно ясные указания в работах Соона, Минорского, капитана генерального штаба Бензегра¹ и других авторов.

В частности, неоднократно цитированный в нашей работе Соон, способности которого выходят далеко за пределы только публициста и курдолога, был одним из активных эмиссаров английского империализма на Ближнем Востоке по курдским делам. Характеризуя деятельность, развернутую Сооном в этом направлении, биограф покойного Соона, А. Вильсон, отмечает громадную работу, проделанную Сооном за период разновременного пребывания его в Курдистане, начиная с 1908 года.

„В значительной мере,—утверждает Вильсон,—благодаря этой работе Южный Курдистан сохранял спокойствие в течение бурных месяцев (during the stormy months) 1920 г., когда соседние арабские районы были охвачены восстанием“. Несколькими строками выше, тот же Вильсон, бывший уполномоченный английского правительства в Месопотамии по гражданским делам, подчеркивает, что „политика Соона оказалась чрезвычайно успешной и была продиктована высшими политическими соображениями, основанными на предвидении английских обязательств перед Лигой Наций, отмеченных в § 22 соглашения“².

Напомним, что эти „обязательства“ подтвердили произведенную английским империализмом фактическую оккупацию Месопотамии, превращенную в подмандатное Англии —Иракское королевство. При молчаливом согласии II Интернационала, часть Ирака, населенная курдами, намечается базой для проектируемого „независимого“ Курдистана.

Англо-французский империализм полностью использует услуги II Интернационала, перебрасывая десятки батальонов для подавления восстаний угнетенных народов, в том числе и курдов, когда эти восстания грозят опрокинуть владычество империализма.

Англия и Франция полностью используют возмущение и недовольство курдов, вытекающее из притеснений и угнетения их в Турции, в Персии, в Ираке, зачастую бр о

¹ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, 84 выпуск за 1911 год. „Записки о Курдистане“.

² E. B. Soane, To Mesopotamia and Kurdistan in disguise p. XV.

сают их то против одной, то против другой страны, с целью получения от этих стран очередных экономических и политических уступок.

Расправы и жестокие репрессии турецких и персидских властей, широко практикуемая последними, и иногда не без успеха, система натравливания одних курдских племен против других, кочевых против оседлых, вражда между которыми определяется условиями полукочевого хозяйственного строя, а также гнет курдских помещиков и феодалов — еще более содействуют накоплению горючего материала, еще более воодушевляют курдские угнетенные массы на борьбу за свое национальное освобождение.

Начиная с 40-х годов, и особенно с 50-х годов XIX века, когда возникло первое массовое движение курдов под руководством Бедр-хана (1843—46 г.г.) и, далее, во время Крымской войны в 1855 году под руководством Езданшера, в 1877—78 г.г. во время русско-турецкой войны под руководством сыновей Бедр-хана, в 1880 г. восстание шейха Обейдуллы и т. д. и вплоть до наших дней (восстание 1925, 1929, 1930 г.г.), Турецкий и Персидский Курдистан периодически охвачен заревом восстаний угнетенных курдов.

Эти восстания, особенно за последние годы в Турции (1925, 1930 г.г.) зачастую носят реакционный характер благодаря тому, что во главе руководства все еще находится курдская господствующая феодальная верхушка, которая является агентурой того или иного империализма.

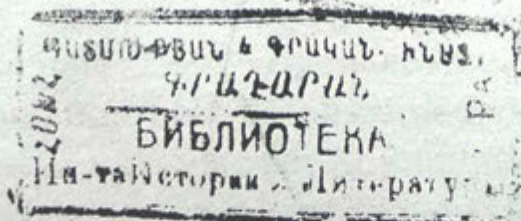
Однако, в борьбе за свое национальное освобождение, происходящей в условиях все большего развития и обострения классовых противоречий внутри курдского народа, курдские трудящиеся массы несомненно сбросят своих непрошенных посредников II Интернационала из партии армянской реакционной буржуазии „Дашнакцутюн“, давно уже сделавшейся политической проституткой англо-французского империализма и гнилых остатков русского самодержавия. В борьбе с международным империализмом, в борьбе со „своими“ и чужими угнетателями они разрешат по революционному курдскую проблему, над которой бьются во имя империалистических интересов II Интернационал

и его осведомительный агент по курдским делам контр-революционный „Дашнакцутюн“.

Курды Азербайджана и Закавказья хорошо помнят гнет царского военно-феодалного империализма, им памятно кратковременное господство в Закавказье мусаватистов и дашнаков, опиравшихся на штыки английских империалистов.

Никакие сегодняшние демагогические выкрики и провокационные приемы этих новоявленных „защитников“ курдского народа не изгладят из памяти трудящихся курдов Азербайджана, Нахкрая и Советской Армении кровавые страницы, которые вписали дашнакские и мусаватские бандиты в 1919—1920 годах.

Развитие социализма в СССР и превращение Закавказской Федерации в образцовую социалистическую республику Востока, представляющую пример интернационального единства всех трудящихся Закавказья, образец братского союза и национального мира народов, населяющих многонациональное Закавказье „невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе“ (Ленин), рост национальных культур и воссоздание целого ряда отсталых наций, в том числе и курдов Закавказья—лишь это в конечном итоге будет диктовать курдам, находящимся за красным рубежом, с кем пойти в случае интервенции мирового империализма в страну победоносно строящегося социализма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	
Азербайджанские курды	
Территория и границы Азербайджанского Курдистана	
Хозяйственная структура Курдистана	
Социально-экономические отношения у курдов	
Пережитки родовых отношений и социалистическое строительство	3
Национальный состав	4
Курды-нацмены	6
Курдская проблема в Азербайджане	8
Карта.	

Сев. Закавказский год.

С.С.Р. АРМЕНИЯ

Հրազդանի մարզ

Երևանի մարզ

Վանի մարզ

Երևան

Երևան

Երևան

Երևան

Երևան

Երևան

Երևան

Երևան

Երևան

Երևան

Երևան

Երևան